Ахиллесова спина

Автор:
Александр Шувалов

Ахиллесова спина

Александр Шувалов

Агент ГРУ

Подполковнику ГРУ Станиславу Кондратьеву поручено ликвидировать тройного агента Саймона, работающего в Европе. Прибыв на место, российский офицер понимает, что «объектом» также интересуются разведки других стран. В противостоянии спецслужбам США и Китая Кондратьеву приходится использовать весь свой боевой опыт. В конце концов Станислав захватывает Саймона, но не убивает, а передает его для экзекуции китайскому разведчику. После чего докладывает в Центр о выполнении задания. Однако подполковник и не подозревает, что настоящие испытания только начинаются. На родине Кондратьева объявляют предателем, провалившим задание и погубившим группу прикрытия. Разведчику позарез нужно выяснить, кто исказил информацию и подставил его. Но для этого надо суметь вернуться домой живым…

Александр Шувалов

Ахиллесова спина

Пролог

Их называют псами. Боевыми, а не декоративными. Это не домашние зверушки, избалованные незаслуженной любовью хозяев, разжиревшие от безделья. Мощные челюсти, острые зубы, многочисленные шрамы как память о минувших битвах. Шипастые ошейники на крепких коротких шеях. Бесстрашный оценивающий взгляд с легким прищуром.

Такие не нежатся на мягких перинках и не валяются на хозяйских диванах. Их принято держать подальше от посторонних глаз. Думаю, это правильно.

Родина-мать и в прошлом-то не особо жаловала их. У нее всегда были другие любимцы, а сейчас уж и подавно. Они, между прочим, не в обиде, потому что боевой пес – это не только порода, но и состояние души.

Иногда случается так, что владельцам этих милых собачек становится сильно некомфортно жить на свете. В таких случаях они вдруг вспоминают о своих питомцах, спускают их с поводков и командуют: «Фас!». Псы молча, без лая и пошлого визга, мчатся рвать в клочья тех, кто имел неосторожность обидеть их хозяина или кого тот сам захотел чуточку наказать. Тогда всем, кто это видит, становится жутко.

Потом они обязательно возвращаются, все, кому повезло остаться в живых. Потому что боевой пес никогда не предаст. Это вам не кошечка, которая мурлычет, ласково трется о ногу, желая получить блюдечко с молоком и миску с питательным «Вискасом». Но она легко меняет место обитания, если на горизонте замаячили условия посытнее. Пес служит хозяину просто потому, что тот у него есть. Большая, доложу я вам, редкость в наш век повального цинизма и тотального предательства.

Начало нынешнего века. Китай, провинция Хэбэй. Одна из загородных баз Главного разведывательного управления Народно-освободительной армии Китая. Вторник, около девяти часов утра

Один противник впереди, второй сзади, еще парочка – по бокам. Если вовремя не задать стрекача, дело может закончиться хорошенькой коллективной дракой. Это когда одного избивает целый коллектив. Хотя человек, стоявший в центре зала, спасаться бегством почему-то вовсе не собирался.

Нет ничего проще, чем сразиться в одиночку с целой толпой и победить. По крайней мере, у персонажей всех подряд боевиков, снятых не только в Голливуде, но и где угодно еще, это выходит очень даже неплохо. Бах, трах, может, даже кия!

В итоге враг, разумеется, повержен. Главный герой, поцарапанный самую малость, страстно целует в десны грудастую блондинку или прекрасного усатого юношу. В зависимости от географии съемок и прихоти продюсера.

Мир в очередной раз спасен. Да здравствует демократия, диетическая пепси и регулярные занятия физкультурой!

В кинозале зажигается свет. Почтеннейшая публика с гроздями макаронных изделий на ушах степенно движется к выходу. Даже самый гугнявый мужичонка в этот момент представляет себя таким же, как тот парень на экране: сильным, резким и смертельно опасным. Кстати, он имеет полное право на это, потому что потратился на билет.

В реальной, не киношной жизни, любой здоровяк, если он, конечно, не ушиблен на всю голову, всеми силами постарается избежать драки с численно превосходящим противником. Герой-одиночка рванет с низкого старта так, что только пятки засверкают. Потому что прекрасно понимает – тут без вариантов. Навалятся, тупо задавят потной массой и порвут, только тапочки останутся. И пряжка от ремня. Нет, ребята, как хотите, но любая такая махаловка одного против многих – это почти всегда стопроцентное попадалово.

Но вот человек, стоявший в центре зала, так не думал. Никакой, кстати, не атлет с виду. Плюгавый и тщедушный азиат, ко всему прочему, уже не первой молодости и даже не второй.

Старикашка – будем пока называть его так – поднял ладони на уровень плеч и сделал знак противникам. Дескать, что встали? Нападайте, ребята!

Те будто того только и ждали. Бросились со всех сторон одновременно, демонстрируя хорошую выучку и понимание правил честного поединка. Это когда несколько против одного.

Лишь все в том же кино герой зверски метелит очередного злодея, подельники которого стоят и терпеливо ожидают, когда же придет их черед получать в рыло. В реальной жизни четверо умелых бойцов против одного имеют стопроцентные шансы на успех.

Почти всегда. Иной раз бывают и исключения.

В последний момент старикашка с непостижимой быстротой ушел с линии атаки. Двое нападавших со всей дури врезались друг в дружку, еще один просто проскочил мимо. А вот четвертому не повезло.

Старик-то на поверку оказался бойцом, да еще каким. Легким, почти незаметным глазу поворотом руки он отвел в сторону крупный кулак, несущийся прямо ему в челюсть. Потом он как бы слегка прикоснулся ладошкой к левому боку парня, нападавшего на него, и тут же плавненько, но достаточно резво ушел в сторону.

Лицо человека, словившего этот смехотворный хлопок, враз исказилось. Крупный плечистый китаец, явно уроженец одной из северных провинций, прижал руки к пораженному месту, рухнул на пол и потух.

Крепкие ребята, нападавшие на старичка, с похвальной быстротой перегруппировались и снова набросились на него. Теперь уже только с трех сторон, но опять одновременно. Наука, как известно, знает все. Она не просто так утверждает, что с возрастом любой человек теряет скорость и в конце концов становится медлительным как черепаха.

Только вот тот самый дедусь, находящийся в центре зала, плевать хотел на законы науки. Он, к слову сказать, вообще не питал особого почтения ко всем подряд законам и правилам, регулярно нарушал их оптом и в розницу.

Старичок крутнулся на месте, прихватил одного из здоровяков, несущихся на него, и направил дальше. Того, как любят говорить борцы, унесло за горизонт.

Мастер тут же встретил третьего супостата. На сей раз встык и жестко, корпус в корпус. Они столкнулись, один, куда более крупный, упал и остался лежать. Старик тут же развернулся, отбил один удар, уклонился от второго и сам ответил, легонько, едва касаясь. Его крохотный, совершенно несерьезный с виду

кулачок на сей раз ткнулся в правое подреберье противника.

Этого оказалось вполне достаточно. Невысокий, коротко стриженный крепыш опустился на колено, постоял немного в глубокой задумчивости, а потом рухнул на бок.

Старичок, оставшийся на ногах, принялся в гордом одиночестве терпеливо ожидать, когда придет в себя боец, отправленный им в открытый космос. Тот приблизился, потряс головой, закрылся как боксер, зажатый в углу ринга, и замер, тяжело дыша.

– Нападай! – с усмешкой приказал старик.

В отличие от молодого человека, он дышал ровно и вообще выглядел бодрым и свежим, прямо как после неторопливой прогулки по парку. Видя, что противник не горит желанием идти вперед, мастер сам двинулся ему навстречу, вдруг остановился в паре шагов и замер. Он поднял руку, давая понять, что учебный бой закончен, и повернулся в сторону двери.

Та бесшумно распахнулась, на пороге возник симпатичный, очень ухоженный юноша, больше похожий на девушку. В новехонькой, с иголочки темно-зеленой форме сухопутных войск, украшенной золотистыми погонами с одним просветом и тремя звездочками в ряд. Надо же, старший лейтенант в столь юные годы!

Тут следует учитывать, что в Народно-освободительной армии Китая данное звание является самым старшим среди младших офицеров. Непосредственно за ним следует звание «майор».

Мальчонка лихо бросил руку к козырьку.

– Товарищ полковник! – проговорил он как пропел. – Генерал Дин прибыл и ожидает вас.

– Спасибо, товарищ, – прозвучало в ответ. – Передайте генералу, что я скоро приду.

– Разрешите идти? – Юноша, похожий на девушку, вытянулся в струнку и опять с большим удовольствием взял под козырек.

Он совсем недавно надел форму, и ему страшно нравилось быть военным.

– Идите, товарищ, – по-отечески ласково ответил полковник и добавил: – Благодарю вас, товарищ.

Старший лейтенант четко развернулся через левое плечо и парадным шагом двинулся к выходу.

Не успел он закрыть за собой дверь, как в зале раздались смешки, плавно переходящие в хохот. Не удержались все, даже боец, только что пришедший в себя. Он, правда, не смеялся, а сдержанно хихикал, держась за бок.

Группа полковника накануне вернулась с Тайваня. Там товарищами с недавних пор стали именовать исключительно гомо… извините, лиц с нестандартной сексуальной ориентацией.

– Отставить!

Бодрый смех вмиг захлебнулся и растаял словно эхо. Шифу, то бишь начальника, в группе не только боялись, но и без дураков уважали.

Лысоватый мужичонка средних лет подошел к нему, почтительно помог облачиться в легкий синий кителек и замер в ожидании.

– Продолжать занятия! – приказал полковник и, не торопясь, зашагал к выходу.

Он даже не поинтересовался, как чувствуют себя молодые и крепкие парни, избитые им. Мастер и так знал, что они очень скоро придут в себя, высморкаются, чуть поохают, да и все. Ведь полковник никого из них серьезно не ударил, можно сказать, просто показал, как это делается. Чтобы помнили.

Генерал Дин, высокий моложавый мужчина в прекрасно сшитом костюме-тройке, встретил своего подчиненного стоя.

– Доброе утро, старший брат, – сказал он, употребив уважительное обращение к собеседнику, слегка поклонился и почтительно пожал крохотную крепкую ладошку. – Вы по-прежнему в отличной форме.

Он явно наблюдал за происходящим в зале по монитору.

– Точно, – буркнул полковник. – Работа у меня такая. – Старик уселся за стол и сделал движение рукой, приглашая собственного непосредственного начальника занять место на стульчике сбоку.

– Благодарю. – Тот присел и тут же расцвел в улыбке. – Позвольте еще раз восхититься…

На самом-то деле он очень хотел бы увидеть совсем другую картинку: старого головореза сначала с унизительной легкостью избивают, а потом роняют на пол и просто топчут ногами. Пустые мечты, и ничего больше. Других бойцов такого уровня в управлении просто не было. А может, и не только там.

– У тебя, смотрю, тоже все в порядке, младший брат, – перебил собеседника хозяин кабинета. – Порученца вот нового завел.

– Очень толковый молодой человек.

– И?.. – Полковник усмехнулся.

– И любимый племянник, – сказал генерал, закатил глаза к потолку и еле заметно поежился.

Своего собеседника он искренне ненавидел, боялся, а еще не понимал. Как может человек, с почетом принимаемый на самом верху, оставаться простым полевым оперативником, пусть даже лучшим из лучших? Генерал Дин прекрасно знал, в какие кабинеты запросто входил этот непростой полковник. Если бы тот вдруг пожелал занять его кресло или то, заветное, двумя этажами выше… Между прочим, ему это предлагали, причем не раз. Сам не захотел.

– Очень интересно. – Франт в европейском костюме, сидящий рядом, был ясен и понятен полковнику.

Он читал его как детскую книгу с картинками.

– А теперь говори, зачем пришел.

– Полковник Тао! – Генерал вдруг нахмурился и побронзовел. – Партия и правительство поручают вам…

Тот молча протянул руку.

Генерал запнулся на полуслове, раскрыл шикарный портфель, купленный в Англии, достал папку и протянул через стол.

– Кто еще в деле? – осведомился Тао.

– Американцы. – Генерал откашлялся. – На сей раз нам приказано не так жестко работать против этих заморских дьяволов. Вы понимаете?

Полковник усмехнулся и заявил:

– Приказано, значит, сработаем. Кто еще?

– Возможно присутствие русских, но эти как раз не в счет.

– Это еще почему?

– Все их успехи в прошлом, – веско проговорил генерал Дин. – Когда-то, лет двадцать назад…

– Тебе, конечно же, виднее. – Полковник Тао оскалился, извлек из кармана массивный золотой портсигар, раскрыл его, достал сигарету, прикурил от настольной зажигалки и кивнул собеседнику.

Тот все понял правильно и тоже полез в карман за куревом.

– Только скажи-ка мне, как называется моя служба? – вдруг проговорил старик.

– «Бянь сэ лун». «Хамелеон», – удивленно ответил его гость. – Единственная во всем мире.

– А вот и нет. – Полковник выпустил в потолок колечко дыма идеальной формы. – К твоему сведению, нечто похожее есть и у русских. По-английски их называют «pretenders», а по-русски…

– «Притворщики», – сказал генерал, в свое время успешно защитивший диссертацию по русской филологии. – Не знал, что…

– Теперь знаешь, – перебил его младший по званию. – К слову сказать, достаточно серьезные ребята. Как поступать с ними?

– Я должен проконсультироваться у руководства.

– Тогда что ты здесь делаешь? – Тао удивленно поднял бровь. – Иди и консультируйся.

Лэнгли, штат Виргиния, штаб-квартира ЦРУ. Понедельник, около восьми часов вечера

Заместитель директора национальной секретной службы вернул очки со лба на нос и одарил по-отечески добрым взглядом человека, сидевшего перед ним.

– Уверен, Саймон, ты прекрасно осознаешь важность этого задания, – сказал он.

– Да, сэр.

– Называй меня просто Майклом.

– Да, Майкл.

Далеко не каждый оперативник, работающий в поле, доживает до сорока. Саймону повезло.

Этот счастливчик начал оглядываться назад. Он смотрел в свое прошлое и с удивлением обнаруживал, что оно было не таким уж и прекрасным. Одни сплошные трупы, обломки и выжженная земля.

Саймон вспоминал грусть в глазах первой, горячо любимой жены. Потом она стала часто плакать и наконец-то решилась на серьезный разговор. Только он не состоялся, потому что именно тогда умники из госдепартамента решили, что кое-какие страны из региона, находящегося в зоне стратегических интересов США, недостаточно сильно любят эту великую державу.

Кстати, Америку обожают все и всегда. Но исключительно в американском же кино. Там люди с громким радостным криком бросаются к ней в объятия. На деле же выходит несколько иначе.

Любовь с криком случается, только она не совсем взаимна. В уголовном кодексе подобное деяние именуется изнасилованием и карается немалым тюремным сроком.

В политике это называется революцией. Бархатной, тюльпановой, оранжевой, бескровной или не совсем, какой угодно, главное, щедро проплаченной. И заканчивается все очень хорошо. Та или иная страна водворяется в стойло демократии. Она обязательно обретает истинного лидера и народного кумира. Кроме всего прочего, он, разумеется, является большим другом США. Тамошние бизнесмены и политики могут общаться с ним без переводчика, потому что английский язык он знает в совершенстве, а свой родной порядком подзабыл или вовсе не удосужился выучить.

Разговор с женой в тот раз не состоялся. Когда Саймон вернулся с победой домой, он с удивлением и радостью обнаружил, что все проблемы как-то сами по себе разрулились. Кэрол успокоилась и даже немного повеселела.

Правда, вскоре она ушла от него к одному милому человеку, гастроэнтерологу. Хорошо еще, не к юристу, иначе брошенному мужу после развода остались бы только казенная кобура да пара стоптанных ботинок.

Когда тебе за сорок, ты совершенно иначе воспринимаешь пережитое и все чаще жалеешь об упущенных возможностях. Теперь тебе не хватает покоя, размеренности. Ты хочешь просыпаться каждое утро у себя дома, в обществе

собственной жены, а не черт знает где и с кем. Каждое утро уезжать в офис и возвращаться после работы к себе домой. Иногда по вечерам выбираться с женой в театр или в любимый ресторан. Играть в гольф по выходным или жарить барбекю на заднем дворе. Наблюдать, как подрастает сын. Обзавестись, в конце-то концов, животиком и почти незаметно для окружающих его поджимать.

В сорок три года Саймон вдруг понял, что ему смертельно осточертело мотаться по планете и раз за разом спасать мир. Ко всему прочему, он с ужасом заметил, что его супруга номер два тоже начинает впадать в грусть.

Саймон решил, что пора уходить с поля и осесть в каком-то спокойном месте. Он обратился к друзьям из конторы, те подключили свои связи. Все оказалось не так просто. Свободные вакансии, конечно же, были, но в малом количестве. На эти уютные кресла претендовали очень и очень многие персоны, выросшие в недрах Лэнгли. Эти бюрократы ни разу не нюхали живой оперативной работы, зато обросли знакомствами, примелькались в нужных кабинетах и заработали черные пояса по офисным боям без правил.

Теперь все зависело только от него. Успешное выполнение этого задания – ключ к кабинету начальника отдела в директорате ЦРУ. Хороший такой кабинет, просторный, с кондиционером и приятным видом из окна.

– Вопросы, Саймон?

– Вы сказали, сэр…

– Никаких «сэр», дружище.

– Виноват, вы сказали, Майкл, что интерес к этому делу могут проявить китайцы…

– Обязательно проявят, черт их побери!

– И русские.

– Вполне возможно.

– Моссад?

– Исключено.

– В том случае, если… – Саймон замялся, вернее, по профессиональной привычке не стал озвучивать очевидное.

– Никто вас не осудит, если вы обойдетесь с китайцами излишне сурово. – Майкл нахмурился. – В последнее время они стали слишком много себе позволять, видимо, решили, что если выбились в мировые лидеры по производству унитазов и кофеварок, то стали сверхдержавой. Так что особо с ними не церемоньтесь. Помните, задача должна быть выполнена во что бы то ни стало. – Майкл чуть заметно улыбнулся. – Подозреваю, что у вас должна быть личная заинтересованность в успехе.

– Понятно.

– Сколько вам потребуется людей?

– Человек шесть, думаю, будет вполне достаточно, плюс небольшая группа поддержки.

– Отберите с Фермы, кого сочтете нужным. Вылет послезавтра.

Фермой называется один из двух тренировочных центров ЦРУ, расположенный на территории армейской базы Форт-Пири, штат Вирджиния.

– А что делать с русскими?

– С русскими? – Майкл хохотнул. – Да что хотите, дружище. Можете отшлепать их и отправить домой. По частям. Иванам давно пора понять, что в такие дела лезть не стоит. Их поезд давно ушел.

Россия, Москва. Вторник, около четырех часов утра

Российскому военному разведчику приснилось что-то не-то. Герой невидимого фронта заорал от страха и проснулся в холодном поту. Дрых себе, что называется, без задних ног, никого не трогал, а тут такое!..

Ему почудился сладковатый аромат духов. Он ощутил наждачную шелковистость кожи женского тела, прильнувшего к нему. В его ушах как наяву прозвучал томный до тошноты шепот, век бы его не слышать: «Иди же ко мне, милый! Я очень хочу тебя».

Военный разведчик, конечно же, проснулся и пошарил рукой по кровати. Он никого в ней не обнаружил, блаженно улыбнулся, сказал сам себе: «Приснится же такое, блин!» и опять заснул. С большим удовольствием. Он не был ни женоненавистником, ни товарищем в тайваньском смысле этого слова. Просто… впрочем, об этом чуть позже.

Кстати, с учетом различия часовых поясов, все три судьбоносных события в Китае, Америке и в России произошли практически одновременно.

Второй раз герой-разведчик ненадолго восстал ото сна часов в восемь утра. Он вылез из кровати и побрел туда, куда все, даже цари, ходят в это время, причем исключительно пешком, вернулся в спальню, приоткрыл занавеску, глянул в окно, с подвывом зевнул, залез под одеяло и опять уснул.

В третий раз он пришел в себя не совсем по своей воле, вернее сказать, совсем не по своей. Его разбудил звонок, резкий, наглый и пронзительный. Не раскрывая глаз, бедняга протянул руку к прикроватной тумбочке в поисках будильника. Этого наглеца следовало немедленно отыскать и примерно наказать: отключить, а еще лучше – приложить о стену.

Он треснулся локтем о спинку кровати, зашипел от боли и почти проснулся. А потому сразу понял, что дело вовсе не в будильнике. Тот мирно стоял себе там, где ему и следовало, на телевизоре в гостиной, и молчал как рыба минтай об лед.

Надрывался телефон. Не домашний и не личный мобильный, те этого при всем желании сделать не могли, потому что три дня назад, сразу же по возвращении из командировки, он их отключил. Сигналы подавал служебный аппарат, поступить с которым так же герой при всем желании не мог, потому что не имел

права.

– Да, – хриплым со сна голосом проговорил он и аж застонал, услышав:

– Доброе утро, Стас! Вернее, уже двадцать три минуты как добрый день.

– Какой же он добрый? – резонно возразил проснувшийся, точнее сказать, разбуженный военный разведчик и тяжко вздохнул: – Я же, кажется, просил…

– Искренне соболезную, – прозвучало в ответ. – Честное слово, я пытался тебя отмазать.

– Но не смог, – горько проговорил Стас.

– Не смог, – подтвердил его собеседник. – Одевайся и собирайся. Через сорок минут подъеду.

– Могу я хотя бы кофе выпить? – возмутился оскорбленный и разочарованный мужчина.

– Бога ради, только быстро.

Часть первая

Глава 1

Солдат любви

«Среди нас есть притворщики, гении, способные стать любым, кем захотят». Помните американский сериал конца девяностых о симпатичном парне по имени Джарод? Забавный такой фильмец, самую малость тягомотный и, естественно,

слезливый.

Кто бы спорил, главный герой этой картины был-таки гением. А я вот нет. Иначе немедленно притворился бы начальником нашего главка и тут же издал бы приказ, запрещающий использование подполковника Кондратьева С.А. в каких-либо операциях в течение двух недель, нет, лучше целого месяца.

Самое интересное, что раньше, где-то до середины семидесятых, нас именовали не притворщиками, а симулянтами. А потом кто-то из руководства, подозреваю, получил на складе машину времени и смотался на двадцать пять лет вперед. Он посмотрел несколько серий «Pretender» и пришел в дикий восторг.

Лично я считаю, что предыдущее название нашей службы было куда более удачным. Только вот кого и когда интересовало мое мнение?

Я подошел к черной «Волге», стоявшей во дворе, отворил дверцу, рухнул на переднее сиденье, откинулся назад, закрыл глаза и притворился бревном.

– Стас, эй, Стас! – А в ответ тишина. – Кончай придуриваться. – Куратор прихватил меня за плечо и слегка потряс.

Полковник Кандауров Ф.С. – мужчина, конечно, не очень-то и молодой, но уж больно здоровенный, «физически развитой», как писали раньше в служебных характеристиках.

– Прекрати! – не открывая глаз, злобно прошипел я, прихватил двумя пальцами толстенное запястье, поднажал где надо и попытался развернуть против часовой стрелки.

С тем же успехом можно было брать на болевой прием телеграфный столб.

– Хватит уже! – рявкнул я и проснулся по-настоящему, впервые за этот день.

– Ну вот! – удовлетворенно пророкотал Сергеич. – Совсем другое дело. Поехали уже?

– Трогай, – скорбно проговорил я и тяжко вздохнул.

– Извини, что отвлек, – покаянно заявил он. – Небось, с бабы снял?

Тут меня аж перекосило.

Не подумайте ничего такого, я вполне нормальный человек, без малейшего налета голубизны. И с женщинами у меня все получается очень даже неплохо. По крайней мере, выходило раньше. Очень хочется надеяться на то, что так будет и в дальнейшем. Ничего другого, как верить, мне просто не остается.

Дело в том, что на последнем, крайнем, как принято говорить, задании я форменным образом надорвался. Общение с особями противоположного пола, если они не очень стары и не омерзительны внешне – занятие достаточно приятное. Но не круглые же, черт подери, сутки!

Скажите, вы любите сладкое? Наверняка да. Тогда представьте, что вас целый месяц продержали на складе какой-нибудь шоколадно-мармеладной фабрики и все это время усиленно кормили исключительно ее продукцией, а потом выпустили на волю и даже дали шоколадку на дорогу. Представили?

Нечто подобное произошло со мной. Как говорится, те же апельсины, вид сбоку.

А началось все с того, что меня отправили во Францию с пустяшным заданием: украсть синюю папку с тесемочками. Пикантность ситуации заключалась в том, что находилась эта папочка в сейфе, он стоял в кабинете, а тот располагался в замке. Не средневековом, а очень даже недавно отстроенном и достаточно серьезно охраняемом.

Владелец этого гламурного курятника, симпатичный дядечка средних лет, раньше жил в России и очень неплохо себя там чувствовал. Творил, что хотел, все у него здесь было и ни хрена ему за это не было. Пока не дернул его черт залезть в политику.

Он нырнул в нее как пьяный в прорубь еще в эпоху царя Бориса, с большим трудом выкарабкался оттуда в начале нынешнего века и сразу же покинул бескрайние просторы Отчизны. Свалил не в Лондонск, как в свое время Герцен, а потом видный русский демократ Березовский и все последующие узники совести, напрочь отсутствующей у них. Обосновался во Франции, прикупил

скромную хатенку комнат на тридцать – может, и больше, я попробовал было сосчитать, но сбился – и зажил отшельником, тихо и скромно.

Этот самый дядечка искренне тосковал по Родине и регулярно получал оттуда денежку. Как-то так вышло, что ни один его счет не был заблокирован. Абсолютно ничего из имущества данного субъекта, от макаронной фабрики до угольных шахт и нефтяных скважин, не перешло в чужие загребущие руки или в собственность страны, покинутой им. Секрет, полагаю, и заключался как раз в той синей папке, вернее, в ее содержимом.

За ней-то меня и отправили, при этом строго-настрого запретили раскрывать ее и заглядывать внутрь, предупредили, что в противном случае возможны варианты. Всякие и разные, типа автокатастрофы, обострения геморроя, насморка и прочих пустяков с неизбежным летальным исходом.

Ну и как, по-вашему, я должен был проникнуть в такой замок? Прилететь как Карлсон в штанишках с моторчиком? Проползти темной ночью, притворившись змеей? Приплыть по канализационным трубам?

Я выбрал другой путь. Он казался мне весьма простым и элегантным, но, как потом выяснилось, вовсе не являлся таковым. Мне пришлось попахать как тому шахтеру Стаханову в забое, только без перекуров. И без штанов.

Дело в том, что у этого затворника есть жена. Горячо им любимая, молодая, симпатичная и такая же глупенькая, как большинство моделек. А у той, в свою очередь, есть не менее любимая старшая сестра, вот только не очень молодая и совсем некрасивая. Высоченная, жилистая и широкоплечая, сразу видно, частенько в этой жизни битая и каждый раз дававшая достойный ответ. Прошедшая нелегкий, но героический путь от контролера в СИЗО до «мамки» в борделе. Раскрутившая в конце девяностых собственный бизнес, фирму по трудоустройству за рубеж с романтическим названием «Мечты сбываются».

Через пару лет романтика разбилась о прозу жизни. Дамочка на всех парах покинула не только малую родину, то есть Урал, но и пределы обожаемого Отечества.

Произошла накладка. Богатенький папаша одной пропавшей романтической дурочки, возжелавшей посмотреть мир и поработать танцовщицей в баре –

интим исключен! – поднял страшный шум и подключил к ее поиску всех, кого можно и нельзя. В итоге девчонку обнаружили, правда, не в баре, а в борделе.

Ушлая бизнесвумен почему-то не особенно желала оказаться в родном СИЗО – это в лучшем случае, – а то и под асфальтом. Она скоренько смазала пятки салом и переехала под крылышко любимой младшенькой сестрички.

Не женщина, а железобетонный монолит. Хотя, как утверждают умные люди, если перед тобой стена, которую не обойти и не перепрыгнуть, то сперва попробуй поискать дверь. А потом подбери ключ к замку.

Мы повстречались весной в Париже, городе влюбленных. Дамочка по имени Анжелика сидела за столиком уличного кафе, хмуро пила коньяк и курила «Житан» без фильтра. Она подняла голову и посмотрела в упор на малолетних арабов, крутящихся поодаль.

Ребята поняли все и сразу. Оседлали старенький мотороллер и дали по газам. Спинным мозгом почувствовали, стервецы, что с этой теткой шутки плохи. У такой сумочку с плеча не сорвешь. Она, наоборот, сама без проблем поотрывает все, что у тебя торчит.

– Сеньорита! – Я подошел и положил на стол шикарную чайную розу. – Красивый цветок для самой очаровательной женщины Парижа. – Я взялся за спинку свободного стула и спросил: – Вы позволите?..

– Чего? – Сеньорита повернула ко мне голову, открыла было рот, чтобы послать куда подальше, но вдруг потупилась и даже покраснела.

Тут-то я и понял, что мне позволят, причем все и сразу. Потому что…

Жестокие люди, как правило, сентиментальны, порой даже слезливы. Моя новая знакомая спокойно ломала об колено чужие судьбы, но при этом млела от всяких там мыльных опер и бурно сопереживала их героиням. Она страстно ненавидела подлого и циничного Педро, пускала сопли, сострадая непростой судьбе Марии-Луизы или просто Марии, страстно мечтала оказаться в жарких объятиях Хосе-Игнасио или, на худой конец, Луиса-Альберто. В спальне его трехэтажной виллы на побережье.

Можете себе представить, что почувствовала такая возвышенная и романтичная особа, увидав меня, роскошного красавца в белом летнем костюме, с усами и при шляпе, говорящего, ко всему прочему, по-испански. Может быть, даже брюнета.

Кстати, если захотите, чтобы вас таковым считали, не вздумайте мазать голову всякой патентованной гадостью. Просто ведите себя как самый настоящий брюнет, и все у вас получится. Проверено опытом.

Дальше наш роман развивался со скоростью кошачьего. Мы попили коньячка в этом самом кафе, потом быстренько переместились в ресторан пятизвездочного «Бристоля», где остановилась моя новая знакомая, опять самую малость освежились, на сей раз виски, чуть-чуть поболтали. На мое счастье, Анжелика в конце восьмидесятых осилила пединститут, поэтому через пень-колоду изъяснялась на плохоньком английском.

Пообедать у нас, увы, не получилось.

Красавица на полуслове прервала мой очередной изысканный, с прозрачным намеком комплимент, цепко ухватила кавалера за руку и прорычала по-русски:

– Не могу больше! – а затем: – Go!

Она тут же выдернула меня из-за стола и поволокла к себе в номер, где самым циничным образом надругалась надо мной.

Процесс пошел. Он начался еще в лифте и продолжался непрерывно целые сутки в ее спальне, а еще в бассейне, зимнем саду и даже в сауне. Потом я ненадолго отключился, но перед этим успел понаблюдать, как моя любовь достает из кармана моего роскошного пиджака мой же самый настоящий чилийский паспорт, внимательно его разглядывает и кому-то звонит. А потом устраивает самый настоящий шмон, не забыв ощупать швы, заглянуть в носки, шляпу и даже в ботинки.

Через три дня, когда проверка легенды, судя по всему, завершилась удачно, меня пригласили погостить в тот самый замок. Дальнейшее было делом техники. Как-то вечерком, пока девушки секретничали в гостиной, мы с хозяином беседовали о том о сем у него в кабинете. Потом он открыл сейф и сам – повторяю, сам! – отдал мне папку.

Почему, спросите? Все просто. Я его об этом попросил, но сначала подбросил в бокал крошечную таблетку.

Мы еще немного посидели. Через некоторое время моего нового друга стало клонить в сон, и он отправился к себе в спальню, чтобы отдохнуть и встать рано поутру, свежим и бодрым, совершенно не помня, что произошло накануне.

А я пошел к своей возлюбленной, всю ночь, не смыкая глаз, трудился над ней, а утром, как и всегда, поплелся из последних сил на пробежку. Такой уж я был неукротимый мачо, ночью любовь, утром – кросс.

– Ты только глянь! – на чистом русском сообщил, открывая ворота, один мордоворот другому. – В чем только душа держится, а все туда же. Бегун, блин!

– Совсем мужика заездила, – пожалел меня его напарник. – Как бы не помер.

А вот и не помер, хотя запросто мог бы. Я пробежал метров сто пятьдесят, причем довольно бодро, потом углубился в лесок и перешел на шаг. В километре от замка в кустах меня ждал мотоцикл. Я спустился вниз по горной дороге и выехал на шоссе. Там пересел в автомобиль и вечером того же дня уже дрых в авиалайнере, совершающем рейс по маршруту Брюссель – Москва.

Всего-то, как говорится, и делов. Только вот четвертые сутки никак не могу выспаться. Таково побочное воздействие той химической дряни, которую я щедро засыпал в себя. Дамочка-то оказалась похотливой как крольчиха. Как еще, по-вашему, я мог оставаться мужчиной ее мечты?

– Стас!

– А! – Я открыл глаза. – Что?

– Не злись, ладно? – виновато проговорил мой куратор.

– При чем тут злись? – Я зажег сигарету от прикуривателя и с большим удовольствием затянулся дымом.

У меня слегка закружилась голова, все-таки первая порция никотина за последние трое суток.

– Можно подумать, я такой незаменимый.

– Получается, что так. – Сергеич добавил газу и перестроился в левый ряд. – У Графа сердце прихватило, Благородный дон, сам знаешь, только-только из госпиталя, Геша еще на задании.

– А Кощей? – сварливо спросил я. – Он, между прочим, лучший.

– Во-первых, лично я никогда так не считал. – Меня поразило то обстоятельство, что он упомянул о коллеге в прошедшем времени.

– А во-вторых?

– Тебя же не было. – Полковник Кандауров вздохнул. – Погиб Кощей неделю назад.

– Ничего себе! Как? Где?

– Подорвался Коля в автомобиле… – Мой спутник назвал страну, спокойную, тихую и чинную, этакую райскую палату для симулянтов.

Там даже морды друг другу бить не принято, и вдруг такое.

– Дела!.. – протянул я.

– Точно, – поддакнул куратор. – Иначе не скажешь.

Машина заехала во двор и остановилась у подъезда.

– Шагай, – сказал он, достал сигаретку и развалился на сиденье.

– А ты?

– А я подожду здесь.

– Это как? – Я слегка обалдел.

– Да вот так. Мне присутствовать на инструктаже строго-настрого запрещено.

– Так не бывает.

– Иногда случается. – Полковник повернулся ко мне, и выражение лица этого старого громилы мне крайне не понравилось. – Но редко. – Он поморщился. – Ты уж извини.

– Ладно. – Я открыл дверцу и выбрался из машины. – Пробьемся.

– Дай-то бог, – донеслось вдогонку.

Глава 2

Убей суку!

Где-то в Латинской Америке

Зазвонил телефон, и я заставил себя проснуться.

– Слушаю.

– Доброе утро, – прочирикал чудный девичий голосок. – Сеньор, вы просили разбудить вас ровно в восемь.

– Большое спасибо, – политкорректно отозвался я, не сдержался, зевнул во всю пасть, положил трубку и тут же взялся за дело.

Для начала немного пробежался на месте. Помахал руками, подрыгал ногами. Повизгивая от жалости к себе любимому, раз двадцать отжался от пола. Потом встал на руки и принялся разгуливать по гостиничному номеру. Кровь прилила к голове.

То, что надо. Очень помогает думать. Самое время мне начинать подключать мозги, потому что поразмыслить уже есть о чем.

Прошедшие двое суток слиплись в один большой комок. Сначала меня самым наглым образом подняли, потом я кое-как проснулся. И началось.

Инструктаж проводил второй заместитель нового начальника управления полковник Мишаня по прозвищу Мысолдаты. Вечный зам. Начальники почти каждый год меняются, и каждого из них он образцово замещает. По всем без исключения вопросам, его касающимся.

Добрейшей души человек, военный от макушки до резинок на носках. Отсюда и прозвище. В то же время тонкий и интеллигентный. А как иначе?! Ведь он из Питера, культурной столицы России, города поребриков, шавермы и сосулей. Там, говорят, даже девки берут за услуги книгами. Мастер изящного слога, ко всему прочему.

Не так давно он встречался со мной в Испании. Результатом стал его рапорт, стоивший мне выговора в приказе и пары недель, потраченных на занятия секретным делопроизводством и прочей ерундой.

Касаемо рапорта. Сам я его, естественно, не читал, зато Сергеичу удалось краем глаза глянуть на этот шедевр, когда его вызывали наверх и там слегка воспитывали. «Дресс-код и язык общения Скомороха не конгруэнтны оперативной обстановке». Каково? А вот еще: «Легкомысленно манкировал проверкой наличия наружного наблюдения при подходе к месту встречи».

Это была его первая зарубежная спецкомандировка, а я ее так жидко обгадил. До сих пор стыдно.

Мишаня разложил передо мной на столе четыре фото и заявил:

– Объект необходимо захватить и конспиративно доставить в Россию. Какое-либо общение с ним категорически запрещается. В случае невозможности захвата вступает в действие резервный план.

– То есть?..

– Объект следует ликвидировать. Вопросы?

– Уже накопились, – обалдело проговорил я. – Во-первых, на захват обычно высылают группу.

– Дальше.

– Во-вторых, я вам не ликвидатор.

– Объясняю по порядку, товарищ подполковник. – Мишаня одернул скромный серый пиджачок, блеснули золотом звезды на невидимых миру погонах. – Группа вам будет придана, она же осуществит захват.

– Тогда какого черта?..

– Я попросил бы не перебивать старших по воинскому званию. – Мысолдаты погрозил мне пальчиком.

– Виноват, – покаялся я.

– Дело в том, что, по нашим данным, объект в настоящее время находится в… – и назвал страну.

– Хреново! – Я пригорюнился.

– Грубо, но верно, – заметил товарищ полковник и поправил очки. – Опыт мне подсказывает…

Как говорится, с этого момента поподробнее. Люблю, нет, просто обожаю, когда старшие товарищи, умудренные богатым боевым опытом, начинают учить нас,

юных разведчиков, уму-разуму.

– Слушаю вас, товарищ полковник.

– Учитывая местную специфику, полагаю, прихватить его вам будет затруднительно.

– Совершенно с вами согласен, товарищ полковник, – заметил я и принял, не вставая со стула, стойку «смирно».

– Поэтому в том случае, если захватить клиента не получится, то просто замочите эту суку! – со вкусом проговорил он.

– В сортире?

Мишаня глянул на меня сурово, но справедливо.

– Где вам будет удобно. – Он даже соизволил улыбнуться.

Слегка.

– Полагаю, есть за что? – осторожно полюбопытствовал я.

– Крыса! – лаконично ответил герой-разведчик и сделал суровое лицо.

– В смысле предатель? – тупо переспросил я.

– Он самый, – со вздохом проговорил товарищ полковник.

Что ж, тогда более или менее понятно. Уже больше полувека Родина-мать бьет себя в грудь и клятвенно заверяет всех и каждого в том, что не проводит жестких акций против разного рода предателей, перебежчиков и прочей погани. А они меж тем по-прежнему мрут как мухи. Попадают в пьяном виде под машины, неловко падают в душе, тонут на мелководье, давятся бубликами и просто тупо загибаются от обычного насморка. Что ж, это правильно.

Вот только…

Я снова взял в руки фотографии, сложил их, зачем-то перетасовал, опять принялся разглядывать, поднял глаза на товарища начальника и спросил:

– Группа в курсе задания?

– Только в самых общих чертах, – последовал немедленный ответ. – Если вы сочтете, что по основному плану сработать не получится, отсылайте ребят домой и заканчивайте дело самостоятельно. С резидентурой при посольстве в контакт старайтесь не входить. Что еще, Кондратьев?

– Вопросов больше нет, – бодро соврал я. – Теперь все понятно.

Все дело в том мужике. На всех четырех фото он был достаточно прилично одет. В темном костюме, светлом, теннисном и, представьте себе, во фраке. Но даже если бы этот господин был изображен в треухе и драной телогрейке, то все равно оставался бы тем, кем был, то бишь стопроцентным янки. Он ничуть не старался казаться, а именно был таковым.

Говорят, умные люди учатся исключительно на чужих ошибках. Коли так, то я законченный дурак. Шишек и синяков за почти два десятка лет набил очень даже немало. Зато приобрел кое-какой опыт.

Он тут же принялся нашептывать, да что там, просто орать, что меня в очередной раз собираются поиметь. То ли разыграть втемную, то ли что-то похуже.

Прозвучал первый, негромкий звонок, и уши мои начали быстренько перемещаться вверх, поближе к макушке. Там им самое место.

Глава 3

О пользе прогулок

Я не торопясь прошел через холл. Стеклянные двери автоматически раздвинулись и выпустили меня на узкую тенистую улочку, идущую почти по самому центру старого города.

Перед выходом я мельком глянул в настенное зеркало. Паренек в кресле за колонной, только что с увлечением читавший местную спортивную газету, вдруг вскочил и двинулся следом за мной. Он не забыл прихватить эту самую газету с собой, чтобы было за что прятаться.

Единственный жгучий брюнет в приданной мне группе. Если не ошибаюсь, командир называл его Саньком. Хоть и брюнет, а запалился, причем сразу же. Наружное наблюдение – процесс серьезный и вдумчивый, ему противопоказаны суета и резкие телодвижения.

Парень должен был дать мне спокойно выйти, а уже потом отправиться следом. Хотя я все равно засек бы его. Уличной науке Санька, ясное дело, обучали, но слегка, примерно так же, как меня – работе под водой. Кое-что умею, но в сравнении с настоящими профи – ноль полнейший.

Так и пошли, колонной по одному. Впереди я, а сзади, шагах в двадцати, – он. Кстати, вот вторая ошибка. Прилипать к клиенту не следует. Послали тебя скрытно следить, так не рисуйся.

Здесь принято оглядываться вслед хорошеньким женщинам. Одна американская акула пера, побывавшая в этой стране, сочла себя оскорбленной и униженной вниманием подобного рода и накатала по этому поводу возмущенную статью в одну здешнюю газету. Ответом ей была заметка местной журналистки, в которой доходчиво разъяснялось, что женщин здесь возмущают не повышенный интерес к их персонам и восторженный свист вослед, а полнейшее отсутствие таковых.

Я проводил взглядом роскошную брюнетку и даже не испытал при этом никакого отвращения. Да, как видно, иду на поправку. Я тихонько присвистнул от удивления, зашел в магазинчик и приобрел панамку, чтобы темечко не напекло, заодно внимательно осмотрелся.

Надо же, они меня едва не купили! Вот был бы позор!

Я говорю «они», потому что ребята, оказывается, работали парой. Санек старательно пыхтел у меня за спиной, а второй, невысокий, худощавый, коротко стриженный парень, скромненько и достаточно грамотно топал с другой стороны улицы. Мальчонки, как выяснилось, действовали вполне по-взрослому, а раз так…

Наблюдателям становится по-настоящему обидно, когда клиент вдруг исчезает, можно сказать, растворяется в воздухе. Только что был здесь и вдруг задевался непонятно куда. На языке древних инков это называется облом.

Санек замер посреди площади и принялся вертеть головой. Он сорвался с места, рванулся сначала в одну сторону, потом в другую, заскочил в аптеку, забежал за угол. Потом парень вернулся на прежнее место, плюнул в сердцах, извлек из кармана телефон и принялся остервенело давить на кнопки.

Вскоре подрулил и второй герой, и они начали что-то оживленно обсуждать. Подозреваю, что меня.

– Не помешал?

Обидно потерять клиента на ровном месте. Вдвойне противно, когда он вдруг возникает из ниоткуда.

– Доброе утро, – проговорил сыщик номер два и потупился в смущении.

Санек заалел как маков цвет и промолчал. Молодость, как известно, обидчива. Нет, чтобы спросить, как это вы, дяденька, вдруг испарились и где находились все это время? Был я, кстати, совсем рядом.

– И как все это прикажете понимать? – невинно поинтересовался я.

– Выполняем приказ командира, – буркнул Санек и глянул на меня волком.

– Приказано вас охранять, – нашелся его напарник, явно более опытный. – На всякий случай.

– Слава богу. – Я расцвел в улыбке. – А то мне показалось…

– Даже не сомневайтесь.

– Тогда спасибо, – растроганно проговорил я. – Так командиру и передайте, дескать, душевно тронут и благодарен за заботу

– Есть! – хмуро буркнул второй, все прекрасно понявший.

– Часа через три я к нему зайду. Есть о чем переговорить.

– Передадим.

– Джентльмены, мне пора, можете не провожать.

Я ушел, а они остались.

Глава 4

Пароль и отзыв, день чудесный

Люблю этот город, особенно его старую, так называемую колониальную часть. Узенькие извилистые улочки, непохожие друг на друга, выстроенные с мастерством и любовью, дома, тенистые аллеи, памятники на площадях. А еще мне очень нравится кататься в трамвае, стоять на задней площадке и с интересом наблюдать, не тащится ли кто следом.

Красно-сине-зеленый вагон, наверняка сверстник начала минувшего века, со скрипом поднялся на гору и остановился. Возникло ощущение, что у старика перехватило дыхание. Потом он собрался с силами и покатил, позванивая, вниз.

Я вышел на площади, обошел стайку голубей, жирных и деловитых, как провинциальные менеджеры за ланчем. Те не то чтобы не перепугались, даже внимания на меня не обратили. Я миновал уличное кафе и оказался прямо перед скульптурой, отлитой в бронзе. Оскалившийся могучий конь поднялся на дыбы. В седле угнездился некий персонаж, в ботфортах со шпорами, без рубашки, зато в

шляпе, простирающий руку перед собой.

Я пошел туда, куда он указывал, прошагал по улочке, поднял глаза. Ни тебе горшков с цветами на подоконнике, ни утюгов. Значит, все в порядке. Тип, стоявший в проеме окна третьего этажа, приветливо улыбнулся мне и задернул занавеску. Я перешел на другую сторону улицы, открыл дверь и принялся подниматься по кованым, истертым до блеска ступеням.

– Добрый день, – сказал человек среднего возраста, роста и телосложения, приметный исключительно отсутствием каких-либо особых примет, и пожал мне руку.

Мы не раз встречались раньше, потому обошлись без паролей и прочей ерунды в виде свернутого в трубочку журнала «Вопросы кролиководства» за март тысяча девятьсот шестьдесят второго года в левой руке, тирольской шляпы с перышком на голове и замороженной курицы под мышкой.

– Как тебя называть в этот раз? – осведомился я.

– Рамоном. По-моему, звучит неплохо.

Тут зазвонил телефон. Этот самый Рамон чертыхнулся, схватил трубку и затарахтел с пулеметной скоростью на испанском с явным аргентинским выговором. Год назад, если мне память не изменяет, его звали Энрико. Тогда он изъяснялся на португальском как самый настоящий, бог знает в каком поколении, бразилец.

Он закончил беседу, отключил телефон, забросил его в карман и сказал:

– Извини, брат. Бизнес, понимаешь…

– Бизнес – дело святое.

– Чай, кофе, что-нибудь еще?

– Щи по-уральски и сто пятьдесят первача. – Я хмыкнул, присел за стол и вытянул ноги. – Как дела-то?

– О драконах ни слова. – Рамон извлек из кармана пачку сигарет, предложил мне и угостился сам. – На финансах, блин, экономят, а задачи ставят!.. – Он махнул рукой. – Да что тебе говорить.

– Догадываюсь.

– Анекдот хочешь?

– Смешной?

– Паскудный. – Рамон скривился. – Зато жизненный.

– Давай.

– С нас потребовали откат.

– Это как?

– Как везде. – Он подавился дымом и закашлялся. – Приехала, понимаешь, комплексная проверка из центра. – Рамон с трудом сдержался, чтобы не сплюнуть на пол. – Как в знойные восьмидесятые. Застал?

– Бог миловал, – отозвался я. – Можно сказать, повезло.

Сам я с этим не сталкивался, но старшие товарищи пару раз под стакан рассказывали мне о том, как в обстановке глубокой секретности где-нибудь за рубежом высаживался десант из чиновников ГРУ. Тут-то и начиналось страшное.

Особенно запал мне в душу эпизод с одним политработником, отчаянно рвавшимся на встречу с недавно завербованным банкиром. Когда они увиделись, красный комиссар первым делом затребовал для проверки конспекты классиков марксизма, а потом принялся гонять буржуина по материалам недавно завершившегося съезда КПСС. В результате тот проникся глубочайшим уважением к мировой системе империализма и галопом поскакал в местную контрразведку сдаваться.

– А нам – не очень. – Рамон подлил нам обоим кофе. – Три дня сопели над документами. Потом их главный по бухгалтерии сообщил нашему шефу, что тому пора на нары.

– За что? – Я отхлебнул из чашки.

По вкусу кофе был так себе, но крепкий.

– Оказывается, мы только и делали, что нарушали инструкции. – Мой собеседник грустно усмехнулся и принялся загибать пальцы. – От одна тысяча девятьсот двадцать шестого года, тридцать девятого и, не поверишь, шестьдесят восьмого!

– Ты серьезно?

– Куда серьезнее. – Он загасил сигарету. – Ко всему прочему, говорит, у вас сплошь и рядом отсутствуют счета и другие подтверждающие документы из магазинов, отелей…

– Борделей, – подсказал я.

– Их тоже. Короче, мол, мы вас закапываем по самые гланды, либо, наоборот, входим в ваше непростое положение. А вы нам за это откатываете сущую мелочь, какие-то двадцать пять процентов от всех средств, которые вам присылает центр.

– Круто.

– Это точно. И вообще, говорит, проявите гостеприимство, отвезите на денек-другой куда-нибудь к воде, а то мы здесь совсем вспотели.

– Отвезли?

– Еще как! – Рамон расхохотался.

– Куда?

– На природу. – Он помотал головой. – В Подмосковье это называется лесополосой, а у нас…

– И как, искупались?

– Раздумали. – Рамон допил кофе и спросил: – Ты кайманов когда-нибудь видал?

– Имел счастье.

– Впечатлило?

– Более чем.

– Вот и этих тоже. Глянули наши дорогие гости, как они пасти разевают, и сразу сильно загрустили.

– В общем, отбились вы?

– Да. С тех пор больше не наезжают. Пока. А штаты все равно подсократили.

– Переходи на солнечную сторону, – посоветовал я.

– Мордой не вышел.

К сведению романтиков: разведка в России, Монголии и Гондурасе – совсем не то, что вы себе представляете по лживым книгам и плохим фильмам. Это обычная, насквозь и по диагонали бюрократическая контора типа министерства здравэкономсельхозфизкультуры или управления какими-нибудь на хрен никому не нужными делами. Плащи и кинжалы, правда, имеются, но это, скорее, знаки принадлежности к самой что ни на есть непривилегированной касте, что-то типа спецодежды дворников, грузчиков или ассенизаторов.

Потому что все приличные люди трудятся в офисе. Неважно, где именно, в Москве на Ходынке, на улице Бэйаньдэли в Пекине или в Лэнгли, штат Вирджиния. Они определяют стратегию, разрабатывают планы, рассылают директивы на места с указаниями, как жить и работать всякому там быдлу. Милуют редко, карают гораздо чаще.

А вот у тех, кто «в поле», жизнь, доложу вам, не сахар с медом. Что в резидентурах при посольствах, что в нелегалах, как мой давний знакомец Рамон.

Не каждый доживает до пенсии, а те, кому повезло, насладиться ею, как правило, не успевают. Уж больно работа нервная. Надо быть последним идиотом, чтобы согласиться на нее. Мы как раз такие и есть. В разведку, как известно, никого на веревке не тянут, сюда приходят исключительно добровольцы.

– Грустно, – признал я и протянул собеседнику пустую чашку.

– До слез, – согласился Рамон и налил мне еще кофе.

– Так мы работать будем или рыдать дальше? – деловито поинтересовался я.

– Ну вот! – сокрушенно проговорил нелегал. – Человек перед ним, можно сказать, душу распахнул, а он!.. – Рамон развернулся и треснул кулаком в стену. – Пако, мальчик мой!

– Да, шеф. – В дверном проеме сначала показалась всклокоченная голова, а потом просочился и сам мальчик, высокий пухлый парень, законченный ботаник с виду.

– Все оформил?

– Только что! – с гордостью ответил тот.

– Молодец! – не поскупился на похвалу его шеф. – А теперь доложи заезжему начальнику о работе, проделанной нами. – Рамон кивнул в мою сторону. – На пальцах и попроще, чтобы он понял.

– Будет исполнено! – заявил мальчик. – Прошу вас, сеньор. – Он распахнул передо мной дверь.

Глава 5

Аттракцион взаимного непонимания

Я уселся за столик уличного кафе, прячущийся под навесом, забросил на свободный стул сумку и принялся ожидать официанта. Тот появился не сразу и заспешил ко мне, вернее, обозначил нечто вроде пародии на рысь.

– Что угодно сеньору?

– Вина.

– Могу посоветовать…

– Не надо советов, дружище, просто принесите бутылку «Альтаира» урожая две тысячи четвертого года.

– Чилийского? – с надеждой спросил он.

– Лучше иберийского.

– Сию минуту. – Официант глянул на меня с уважением и легкой грустью.

Если человек, похожий на иностранца, заказывает «Альтаир», причем иберийский, то, видимо, он кое-что понимает в вине, а если хочет получить сразу бутылку, то не такой дурак, каким кажется. Местное дешевое пойло под видом приличного напитка ему не впарить.

Я дождался заказа, сделал глоток из бокала и одобрительно кивнул. Официант просиял фальшивой улыбкой и удалился. А я выложил на стол газету и принялся рисовать на полях кружочки и квадраты. Не знаю, почему так, но это помогает думать. А еще мне всегда хорошо работается в таких местах, среди людей, в тоже время в романтическом одиночестве.

Итак, что мы имеем на сегодняшний день? Как говорилось в одной очень старой рекламе, полна хата «Пармалата». Какой-то мутный персонаж, самый настоящий

американец. Сначала он предал мою страну, а потом скрылся от ее праведного гнева там, откуда выдернуть его будет очень как непросто.

Причем не мне одному. Этот тип оказался самым настоящим многостаночником, потому что его особой заинтересовались американцы с китайцами. Наверное, их он тоже сподобился кинуть, то ли приключилось что-то еще, пока мне неведомое.

Года три назад я просто смотался бы в Иберию, взял этого типа за ухо и без проблем приволок, куда скажут. В те времена там была самая настоящая демократия в лучшем ее проявлении. Правящие кланы рулили страной, буржуины увлеченно обирали народ, чиновники, как водится, воровали, распиливали и откатывали. Иберия торговала нефтью, медью, лесом и кофе, при этом постоянно клянчила кредиты. Она самозабвенно лизала задницу Большому брату, а тот чувствовал себя там как дома, даже еще комфортнее.

А потом это всем вдруг надоело, и к власти пришли военные. Без всяких там выборов, референдумов и прочей ерунды. В один прекрасный день вертикаль власти рухнула и сразу превратилась в горизонталь.

Люди при погонах просто-напросто прислонили к ближайшей стенке самых крупных ворюг, остальных отправили на отсидку. Парламент они к чертовой матери разогнали, строго-настрого запретили тамошним трепачам собираться более чем по одному. Часть оппозиции прикончили, остальных отшлепали и посоветовали им заткнуться. С разного рода радикальной публикой военные поступили примерно так же. Они ее просто перебили. После чего в Иберии стало тихо и спокойно, как в казарме после отбоя.

Вот в такой стране мне и придется работать. Скромный опыт подсказывает, что очень скоро дело там дойдет до песен с танцами, как в Новый год вокруг елочки. А потому…

– А потому, Юра, я завтра с утра выезжаю. Осмотрюсь на месте, разберусь, что к чему, потом выйду на связь.

– Один-то справишься?

– Думаю, да.

– Понятно. – Командир приданной мне группы, высокий мосластый мужик приблизительно моего возраста, поднялся со стула и принялся мерить шагами гостиничный номер.

Он подошел к окну и выглянул наружу, потом достал из холодильника маленькую бутылку пива, одну, только для себя. Одним движением сковырнул пробку, вернулся на место.

– Значит, ты поедешь работать, а мы будем сидеть и ждать, да?

– Ни фига подобного! – заявил я, закурил и устроился поудобнее на диване. – Пока я буду в Иберии, вы разобьетесь на группы и начнете отдыхать так, как и полагается руссо туристо. Пляжи, кабаки, девочки, все такое. Только не перестарайтесь.

– В смысле?..

– Никого по пьянке не прибейте и не загремите на нары.

– Здорово! – Юра сделал глоток из горлышка и поставил бутылочку на стол. – Вот уж свезло на все деньги!

– Что-то не нравится?

– Нет. – Он отпил еще пива. – Все прекрасно, даже слишком.

– Тогда в чем дело?

– А давай я возьму пару ребят и съезжу с тобой, а? – Юрий сделал еще глоток, и пиво кончилось.

Он огорченно заглянул внутрь бутылки и по исконно русской привычке поставил ее под стол.

– Отпадает.

– Почему?

– У тебя виза в Иберию есть? – с тоской спросил я.

Придя к власти, военные первым делом разогнали разного рода мутные конторы, действующие в ней, заодно выперли из страны целую кучу иноземцев, непонятно чем занимающихся там. А потом они ввели визовый режим для граждан всех без исключения стран.

– Нет, конечно. А на фига она мне? – удивился он.

– А как ты собираешься пересекать границу? – в свою очередь, удивился я.

– Элементарно. – Юра улыбнулся. – Нас же этому учили. Ты даже не представляешь, как все просто.

– Где уж мне.

Нет, на самом-то деле немного представляю. Я в свое время заканчивал точно такую же учебку, как и он. Это потом уже начал притворяться.

– Ну и что скажешь?

– Что я тебе, Юра, на все это скажу. – Я загасил сигарету. – Во-первых, единоначалия в Красной армии никто не отменял. Если не ошибаюсь, самый большой босс здесь я, а не ты.

– Ну, если так, – протянул он.

– На правах отца-командира я кое-что тебе объясню. – Я достал апельсин из вазы, стоявшей на столе, и принялся освобождать его от кожуры. – Во-первых, так называемые компетентные органы в Иберии работают на удивление компетентно.

– Да что ты говоришь?! – Юрий хмыкнул.

– Именно. – Я забросил дольку апельсина в рот. – Если страна по площади меньше Свердловской области, то это совсем не значит, что там творится полнейший бардак. Тамошний главный полицай, к слову сказать, проходил подготовку в Англии и стажировался в Скотланд-Ярде. Начальник контрразведки в свое время окончил академию ФБР. Одним из лучших на курсе.

– Ого!

– Тонко подмечено, – согласился я. – Так что светиться не стоит. А теперь поговорим об интересном.

– Это о чем?

– О коллегах. – Я достал из кармана стопку фотографий. – Если ты не забыл, при инструктаже говорилось, что в это дело обязательно влезут Штаты и Китай.

– Не забыл.

– Вот и славно. Любуйся. – Я разложил рядком несколько фото. – Это бизнесмены из Гонконга, прибыли в страну шестью часами позже нас. Что интересно, все одним рейсом, да и поселились в одном и том же отеле.

– Где?

– В «Рамада Коста», четыре звезды, скромно, но со вкусом.

– Ну и что?

– Ничего, только этого красавца мне уже доводилось встречать раньше. – Я ткнул пальцем в невысокого лысоватого мужичонку лет сорока.

– Не спутал?

– Такого спутаешь! Я от него в прошлом году еле ноги унес.

– Кто бы мог подумать. – Юра взял фото со стола и принялся разглядывать его. – А по виду – типичный потерпевший.

– Далее. – Я извлек из стопки еще одно фото. – Обрати внимание, некто Горо Ямада, профессор Токийского университета.

– Точно, профессор. – Юра повертел в руках снимок крохотного щуплого дедули и бросил на стол. – От него ты тоже где-то когда-то драпал?

– Не довелось. – Я взял фото и принялся рассматривать. – Вроде бы.

– Ты когда в последний раз был у психиатра? – невинно поинтересовался Юра. – По-моему, это называется паранойя.

– Нет, это называется…

– Шизофрения, – подсказал он.

– Диагноз несколько другой, – терпеливо пояснил я. – Чуть больше двадцати лет в профессии. А планета наша, ты не поверишь, такая же маленькая и тесная, как коммунальная квартира.

– А я, можно подумать, все те же годы служил в комендатуре, – проворчал Юра. – Объясни, чем тебе этот японец не понравился.

– Все они обязательно останавливаются в отеле «Гинза», а этот поселился в «Мария Ангола».

– И что?

– Полагаю, не захотел светиться среди так называемых соотечественников.

– Это все, что ты накопал?

– Не совсем.

– Тогда пугай дальше.

– Как скажешь. – Я бросил на стол еще три фото.

– Кто это?

– Группа из Мексики, якобы любители спортивного скалолазания.

– Что-то уж больно здоровенные они для скалолазов, – заметил Юра. – И носы у двоих явно ломаные.

– Точно, те еще быки. – Я достал следующее фото и спросил: – Продолжать?

– Давай.

– Продолжаю. – Я выложил последние два фото поверх остальных как шестерки «на погоны» в подкидном дураке. – Один из этих спортсменов вчера вечером покинул мотель и отправился гулять по столице. Куда, угадай, он пошел?

– Понятия не имею.

– В триста двадцать четвертый номер пятизвездочного «Центро Лидо» к некоему Джекобсу Т. Муру, дантисту из славного города Мэдисон, штат Висконсин, фото прилагается. Представь себе, он проторчал там чуть больше двух часов в компании вышеупомянутого дантиста и одного замечательного человека, якобы аспиранта университета штата Техас. Как ты думаешь, чем эти голубки там занимались?

– Ну…

Я аккуратно сложил фотографии стопочкой, пододвинул к нему и сказал:

– Предполагаю, что все это время мистер Мур, который Джекобс Т., пытался втолковать этим красавцам, как им и их людям следует себя вести. Морды на фото разные показывал. В том числе и ваши. Те в ответ гнули пальцы и надували щеки. Дескать, гадом буду, начальник, все сделаю в лучшем виде.

– Послушай…

– Уже слушал, – перебил я. – Теперь твоя очередь. Значит, так, вести себя тихо и культурно, как и все наши, то есть пить, жрать от пуза, шуметь и приставать к бабам. Перед сном рекомендуется исполнять хором «Владимирский централ», слова, надеюсь, знаете. Я доходчиво излагаю?

– Вполне.

– Если встретите кого-нибудь из персонажей с фото, не дергайтесь и ни в коем случае не вздумайте играть в сыщиков, как вы любите. Это тоже понятно?

– Так точно, – проговорил он, опустив голову.

Юре явно очень хотелось засветить мне в глаз.

– Вот и славно. Тогда у меня все. – Я поднялся.

– Пока. – Юра тоже встал и протянул руку.

Как мне показалось, без особого желания.

– Будь на связи.

– Есть!

Ни в какую Иберию следующим утром я не поехал, потому что вылетел туда еще вечером.

Теперь касательно того театра Кабуки, который мы с Юрой на пару разыграли. Это когда я изображал большого начальника и старательно выводил его из себя, а он, в свою очередь, усердно тупил, разве что в портянку не сморкался. Только у него выходило похуже. Все-таки притворяться – это моя, а не его специальность.

Я не первый день работаю со спецурой, знаю, какие они все там недалекие и неумные. С Юрой и его командой сталкиваюсь впервые. Отсюда вопрос: почему это я ему так не нравлюсь? Какие такие полномочия, о которых я ни сном ни духом, он получил? В самом начале встречи я устроил ему легкую истерику по поводу утреннего цирка с дрессированными пингвинами, а он разве что не рассмеялся мне в лицо.

Глава 6

Я иду искать

Можно ли спрятаться на планете Земля, если вдруг понадобится? Безусловно, да. Есть много способов, спросите у профессионалов, они научат и подскажут. Найдут ли вас? Обязательно, если пустят по следу настоящих ищеек.

– Доброе утро, сеньор… – Хозяин кабинета пожал мне руку и вернулся на прежнее место.

– Эдуардо, – подсказал я, попытался отодвинуть в сторону кресло и не сумел этого сделать.

Тогда я обошел его слева, уселся и принялся с большим интересом рассматривать человека, устроившегося напротив меня за столом.

Дон Леонардо ни в коем случае не походил на того, кем на самом деле являлся: одного из лучших, если не самого лучшего частного сыщика в Иберии, человека, как говорится, с репутацией. Не высокий и не низкий, не тощий и не толстый, а просто приятно упитанный. Явный любитель сытно поесть в обед и подремать с храпом после. Румяная щекастая физиономия, широко распахнутые наивные глаза простака, рожденного для того, чтобы его постоянно кидали. Я уже испугался, что Рамон назвал мне неверный адрес.

– Кто рекомендовал вам мое агентство, дон Эдуардо? – спросил, застенчиво улыбаясь, хозяин кабинета.

– Дон Фернандес-Очоа.

– Милейший человек, – живо откликнулся Леонардо. – Как он поживает?

– Уже никак, – с горечью отозвался я. – Полгода назад погиб в автокатастрофе.

– Неужели? – искренне расстроился мой визави. – Боже, как жесток этот мир! – Он извлек из кармана носовой платок и промокнул глаза.

– Семья до сих пор в трауре, – сказал я и секунду-другую размышлял, не зарыдать ли в голос.

– Кофе?

– С удовольствием.

Почти незаметная дверь в стене распахнулась. Полноватая женщина средних лет в темном платье подошла и поставила поднос на столик у правого подлокотника моего кресла.

– Благодарю вас. – Я добавил сахара, взял чашку и сделал первый осторожный глоток.

Кофе оказался той же крепости, что и у Рамона, только намного лучше на вкус.

Я достал портсигар и осведомился:

– Вы не против?

– Ну что вы.

Зажигалка выскользнула из моей руки и упала на ковер рядом с креслом.

– Какой же я неловкий!.. – Я наклонился и подобрал ее.

– Как кофе?

– Просто замечательный. – Я закурил, поудобнее расположился в кресле и осторожно пробежался взглядом по сторонам.

Кабинет многое может рассказать о своем хозяине. Обычно, но не в этом случае. Никаких тебе дипломов, сертификатов, наград, фотографий из героического прошлого, в обнимку и рядом с важными персонами. Просто голые стены с глазками видеокамер по углам под потолком. Ни телефона, ни компьютера на столе.

Только обрез двустволки, закрепленный под столешницей. Нацеленный в то самое кресло для посетителей, которое я пытался сдвинуть, но не смог.

– Ничего не поделаешь, опасный район. – Пока я изучал кабинет, его хозяин явно наблюдал за мной.

– Как я вас понимаю!.. – Я допил кофе и поставил чашку на столик.

– Итак, что вас привело ко мне, дон Эдуардо?

– Мне хотелось бы, чтобы вы разыскали одного человека. – Разрешите? – Не стоит делать резких движений, когда на тебя направлены стволы немалого калибра.

Я встал, достал из кармана фото и положил на стол, прямо перед ним.

– Думаю, это возможно. – Детектив не взял фото в руки, не стал читать того, что было написано на обороте, просто мельком глянул на него. – Не в правилах нашего агентства разглашать конфиденциальную информацию, но в память о доне Фернандесе я скажу вам вот что. Вчера вечером ко мне заглянул один милый молодой человек, самый настоящий мексиканец, хотя он и утверждал, что прибыл из Перу. Около тридцати лет, высокого роста, атлет с виду. Недостаточно хорошо воспитан, сразу же принялся меня пугать.

Я даже не стал спрашивать, устрашился ли достопочтенный дон.

– Этот? – Я показал фото.

Если честно, визит к нему конкурентов меня не очень-то и удивил. Достопочтенный дон Леонардо по праву считается лучшим частным сыщиком в Иберии и давно уже специализируется на поисках пропавших и прячущихся людей.

– Он самый, – сказал дон Леонардо. – Только с бородкой и в темных очках.

– Конечно же, невоспитанный молодой человек требовал, чтобы вы сообщили ему о других людях, разыскивающих этого субъекта?

– Да, он очень на этом настаивал.

– Как вы собираетесь поступить?

– Прошу понять меня правильно, – негромко проговорил детектив, – нам не нужны неприятности ни с одним из наших клиентов. Вам это ясно?

– Вполне.

– Поэтому если молодой человек появится и начнет спрашивать, то я обязательно скажу о вас. Он достаточно опасен, уж поверьте моему опыту.

– Верю.

– Вы, кстати, тоже, только на редкость умело это скрываете. – Хозяин кабинета достал из кармана сигареты и закурил, после чего сразу же спрятал пачку обратно. – А еще я признателен вам, дон Эдуардо, за то, что вы не пытаетесь установить здесь жучки.

– Что установить? – почти искренне удивился я.

– И очень правильно делаете, – продолжил он. – К тому же это не имеет никакого смысла. После визита каждого клиента мы как следует «проветриваем» кабинет.

– Не совсем понимаю, что вы имеете в виду, – с неподдельным уважением проговорил я. – Могу я задать еще пару вопросов?

– Безусловно. Это предусматривается правилами нашего агентства. Потом, если не возражаете, мы поговорим о размерах нашего гонорара и условиях связи.

Глава 7

Здоровая конкуренция как залог прогресса

Честь рекомендуется хранить смолоду, зубы – с детства, о желудке следует заботиться постоянно. Особенно в здешних широтах. Один мой хороший знакомый как-то не удержался и заказал в баре свежевыжатый апельсиновый сок. Уж очень ему его захотелось. В итоге этот тип с треском провалил операцию, потому что на место ее проведения так и не прибыл. Занят был, скорбно сидел на унитазе и гадил дальше, чем видел.

Хотя потом он с блеском провел целых семь мероприятий, но в глазах руководства так и остался законченным неудачником и еще понятно кем. В итоге вместо уютного кабинета на Хорошевском шоссе бедолага оказался на подмосковных курсах подготовки юных российских шпионов.

Неопрятная чернокожая толстуха в мини-юбке и кокетливом грязно-белом переднике принесла запотевшую бутылку местной «Инка-колы» и высокий стакан сомнительной чистоты. Она перегрузила все это великолепие с подноса на стол и замерла в ожидании. В таких местах принято рассчитываться сразу.

– Спасибо, – сказал я и щедро выложил на стол аж три серебристых монетки по одному песо.

Толстуха торопливо сгребла денежку, уложила в кармашек фартука, замерла на секунду, потом просияла в улыбке и пророкотала басом что-то неразборчивое. В знак особого расположения она протерла столик, вернее, стряхнула мне на колени крошки и пепел, после чего удалилась, кокетливо подрагивая кормой шириной с двенадцать пивных кружек.

Я открыл бутылку, сделал пару глотков желтой шипучки из горлышка, после чего разложил на столе газету и нацепил на нос очки.

Помните старый анекдот о майоре Пронине, который сидел на телеграфном столбе и делал вид, что наслаждался печатным словом? Вот и я только притворялся, что читаю. Тем более через эти, с позволения сказать, очки лучше было смотреть вдаль.

Я закурил и принялся терпеливо ждать. Если достопочтенный дон Леонардо не соврал, то в ближайшее время должен появиться еще один участник игры под названием «Поймай словака». Такого же фальшивого, как улыбка политика.

Наш общий друг американец, перед тем как податься в бега, умудрился где-то раздобыть словацкий паспорт на имя Доброслава Матяшко. Уже после этого он выправил себе вид на жительство в Иберии.

Сейчас это проще простого. Достаточно инвестировать в экономику страны семьдесят тысяч долларов. После этого можно жить здесь сколько душа пожелает, пребывая в твердой уверенности, что никто не будет копаться в твоем прошлом. Тебя не выдадут ни одной стране, чего бы ты в предыдущей жизни ни натворил. Если, конечно, здесь будешь вести себя тихо и пристойно.

Год назад наши пытались выдернуть отсюда одного очень интересного человека, международного террориста, широко известного в узких кругах под псевдонимом Режиссер. Ни черта хорошего из этой затеи не вышло. Наоборот, случилась перестрелка, в результате которой человек десять переселились в иной мир, а сам Режиссер сбежал.

Пару месяцев спустя штатники гордо заявили о его ликвидации. Очень даже может быть. Разные добрые люди вообще довольно-таки часто отправляют Режиссера на тот свет. Раза три в год как минимум.

К чему это я? Да так, к слову.

Кстати, власти Иберии на ту пальбу отреагировали достаточно живо. Буквально через неделю выслали из страны по четыре так называемых дипломата, наших и американских.

Сейчас, насколько мне известно, героическая российская военная разведка в Иберии представлена одним-единственным престарелым майором аж сорока двух лет от роду, большим любителем здешнего красного вина. Знающие люди

настоятельно не советовали мне обращаться к нему за помощью даже в том случае, если совсем припрет.

Интересно другое. По словам дона Леонардо, человек, с которым у него в самое ближайшее время назначена встреча, говорил по телефону по-английски как самый настоящий уроженец британских островов и с большой долей вероятности был таковым.

Я знаю только одного действующего английского агента, который мог бы влезть в это дело и показать класс всем нам вместе и каждому в отдельности. Конечно же, это старина Джеймс Бонд, большой любитель смешать, но не взбалтывать. Вот только сейчас, по слухам, он завис в Сингапуре на съемках очередной нетленки, правдивой истории из нашей жизни.

Допустим, Джеймс все-таки выкроит денек-другой, чтобы в очередной раз спасти весь мир и его окрестности. В таком случае его ждет серьезное разочарование. Тут пока что-то не видно китайцев, а он, помнится, всегда питал к ним слабость, в смысле любил при случае надрать им задницу.

Шутки шутками, а я едва его не прошляпил. Щуплый невысокий мужичонка в надвинутой на нос кепке с длинным козырьком вышел из-за угла, умело и незаметно для постороннего взгляда проверился и двинулся в сторону детективного агентства. Мешковатые серые брюки, светло-зеленая рубашка, в общем, обычный человек из толпы.

Только вот рубашка почему-то с длинными рукавами. Это в такую-то жару.

Он шагнул к двери, нажал кнопку домофона, немного подождал и вошел.

Я допил колу, вытер платком взмокшую физиономию, поправил усы, которые каждый мужчина, живущий в этом районе, носит так же обязательно, как и штаны, и приготовился идти гулять.

Глава 8

Избитый и униженный

– Чем могу быть полезен? – учтиво спросил меня маленький китаец.

Что самое удивительное, на безукоризненном английском. У девяти из десятка его соотечественников, говорящих на нем, это выходит достаточно похабно. Человек, стоявший передо мной, явно был тем самым, десятым. Если не одиннадцатым.

До того как произошла наша встреча, мы самую малость, минут сорок всего, погуляли. Он двигался впереди, а я – за ним, на некотором отдалении.

Все это время я усиленно старался зафиксировать в памяти отличительные черты человека, идущего передо мной. Делать это надо обязательно.

От клиента постоянно можно и нужно ожидать разных пакостей. В какой-то момент ему может надоесть ваше общество, и тогда он постарается с вами расстаться. Может, например, зайти за угол, сбросить рубашку, кепку и шагать дальше в футболке, с непокрытой головой или заглянуть в лавку и прикупить ветровку с панамой. Человек способен ссутулиться и подсесть в коленях или, наоборот, выпрямиться, как революционер перед расстрелом, и оказаться вдруг на добрый десяток сантиметров выше, чем только что был.

Ничего такого у нас не происходило. Мой подопечный не хулиганил, вел себя достаточно спокойно, даже проверялся редко и как-то лениво. Вот это мне и не понравилось. Обычно таким макаром усыпляют бдительность преследователя, чтобы потом…

Это самое «потом» вдруг и произошло. Он свернул за угол в переулок. Я прошел немного вслед за ним и расстроился. Во-первых, это оказался не переулок, а тупик. Во-вторых, клиент вдруг куда-то пропал, прямо как деньги из бюджета. Нечто подобное днем раньше я сотворил с ребятами из Юриной группы, а сегодня вот таким же манером поимели меня.

– Добрый день!

Я развернулся. Так и есть. Азиат средних лет возник буквально из ниоткуда. Стоит, гад такой, шагах в пяти и мило улыбается.

– Добрый, – буркнул я.

– Чем могу быть полезен? – учтиво спросил маленький китаец.

Маленький – потому что добавил себе сантиметров шесть роста с помощью специальной обуви. Китаец – потому что теперь-то я его как следует рассмотрел. Самый настоящий уроженец Поднебесной, по странной случайности немного, самую малость, похожий на одного университетского профессора из Токио.

– Не понимаю, о чем вы говорите, – ответил я и сделал шаг вперед.

– Неужели? – удивился он и, в свою очередь, шагнул влево, перекрывая мне дорогу. – Давайте-ка немного поболтаем. – Да, его английский был просто безупречен.

– С дороги! – зарычал я и толкнул его в грудь.

Он с удивительной быстротой сместился в сторону и взмахнул рукой как саблей. Если честно, чего-то в этом роде я ожидал, потому успел убрать свою верхнюю конечность. Не полностью, удар пришелся вскользь. Но и этого мне вполне хватило. По руке как будто хлестнули кнутом или, вернее сказать, приложили к ней раскаленный металлический прут. Меня аж перекосило от боли. Травмированная конечность повисла плетью, в глазах слегка потемнело.

– Значит, поговорим, – сказал он и сделал шажок в мою сторону.

– Значит, вряд ли. – Я приподнял рубаху так, чтобы он увидел пистолет за поясом, и обхватил рукоять ладонью, чтобы китаец не успел как следует рассмотреть эту пушку.

Вооружился я сегодня поутру в отделе детских игрушек здешнего «Ларкомар», универмага для не самых бедных.

– Уйди с дороги! – заявил я и сделал страшное лицо.

Получилось так себе.

– Как скажете, старина. – Китаец приподнял кепку. – Удачного вам дня.

– Еще увидимся. – В этот момент я сам себе был жалок.

– Постарайтесь больше не попадаться мне на глаза, – учтиво посоветовал он, оскалившись в улыбке, повернулся и пошел.

Я прислонился к стене и, кривясь от боли, принялся массировать поврежденную конечность.

Глава 9

Сюрпризы судьбы

– Об успехах даже не спрашиваю. – Макс отработанным движением выкрутил пробку из бутылки и принялся разливать красное как кровь «Монгра Мерло». – На-ка, боярин, освежись.

– Покорнейше благодарю. – Я двумя богатырскими глотками прикончил вино и только тогда обратил внимание, из чего пил.

Это оказался родной до боли граненый стакан, привет из веселой разгульной юности. К сожалению, то счастье было совсем недолгим, чуть больше семестра, потом пришлось срочно взрослеть.

– Надо же! – оценил я сей раритет.

– Память о Родине. – Макс выпил и полез за сигаретами. – Как глотну чуток, сразу же чертовски хочется работать.

– И часто хочется?

– Регулярно, – с достоинством ответил он.

Макс и был тем самым престарелым российским военным разведчиком в Иберии, тревожить покой которого мне категорически не советовали. Плевать я на все это хотел. Так получилось, что я знаю его больше десяти лет. Еще с тех пор, когда он, молодой, перспективный и дикорастущий, еще майор, но уже заместитель резидента в одной достаточно серьезной стране, здорово мне помог, сильно и многим при этом рискуя.

Макс и сейчас поможет. Он порядочный мужик и классный профессионал, что бы там ни говорили о нем лощеные мальчики, герои паркетных фронтов.

Тогда, в середине прошлого века, произошло то, что сплошь и рядом случается в нашей службе: сорвалось мероприятие. Ничего, в принципе, страшного, такое, повторяю, бывает, причем нередко. Ни один из оперативников, вкалывающих в поле, от этого не застрахован.

Максу просто не повезло. В то время в нашей конторе проходила очередная кампания по закручиванию гаек. Вот его-то и назначили виновным, закинули для «дальнейшего прохождения службы» хрен знает куда, за Уральский хребет, и на долгие десять лет вычеркнули из списков. Потом вдруг вспомнили, вернули в систему и послали дослуживать в самую что ни на есть задницу, ехать в которую никто другой не пожелал.

– Повторим?

– Пожалуй, пропущу. – Я с трудом приподнял левую руку, положил на стол и принялся разминать.

– Как знаешь. – Макс умело осушил стакан, забросил в рот кусочек яблока. – Все-таки не удержусь и спрошу, как все прошло?

– С одной стороны, успешно. – Я все-таки налил половину стакана и выпил, теперь уже никуда не торопясь.

– Поясни.

– Я прогулялся за клиентом, выбрал момент, подошел поближе и посадил на него маячок. Если не сменит штаны, можно отслеживать.

– Замечательно! – заявил Макс. – А что с рукой?

– Болит рука, – поплакался я.

Больше на эту тему Макс вопросов не задавал. Лишнее любопытство у таких крутых профи, как мы, не в моде.

Вместо этого он достал из кармана несколько фотографий и протянул мне.

– Любуйся.

Скалолаз из Мексики, ранее уже засветившийся. Именно он вместе с аспирантом пару дней назад встречался в «Центро Лидо» с неким дантистом.

Что ж, действующие лица и исполнители более или менее проявились. Вскоре между нами состоится самая настоящая махаловка, по результатам которой кто-то, скромно потупившись, получит награду. Остальным грозит страстная и безудержная любовь со стороны начальства. Со всеми возможными извращениями и без вазелина. Это еще в лучшем случае. Бывает, что проигравшим достаются лишь неискренние речи и скромные некрологи.

– Спасибо. – Я вернул Максу снимки.

Тот разорвал их на мелкие кусочки и принялся кремировать в пепельнице.

– Мне пора, – сказал я.

– Пять капель на дорожку?

– Не больше. – Я опрокинул стакан с помянутыми каплями. – Вернусь к утру послезавтра.

– Буду ждать.

– Успеешь?

– Должен, – заявил он. – Базу для твоих ребят уже присмотрел, вопрос с транспортом и всем остальным решу завтра.

– А сейчас на службу?

– Пора. – Он тяжко вздохнул. – Прости, печень.

Первые полгода по прибытии в страну местная контрразведка пасла его двадцать семь часов в сутки. Вскоре она убедилась в том, что российский военный разведчик все силы и время отдает исключительно поглощению местного красного вина, причем в промышленных объемах. Каждый вечер он начинал и заканчивал в одном и том же кабаке. Уезжал оттуда на такси, приняв на грудь столько, сколько может освоить слон, мучимый жаждой, причем далеко не каждый.

– До встречи.

– Постой.

Я замер в дверях и услышал:

– Может, побудешь здесь?

– Зачем?

– Трудно объяснить. – Макс замялся. – Думаю, так будет лучше. Поспишь на СК до одиннадцати, оттуда сразу в аэропорт.

Здесь надо пояснить, что СК – это служебная квартира. Так в военной разведке именуется любая «рабочая» жилплощадь в России и за ее пределами. Во внешней разведке и ФСБ это называется КК, то бишь конспиративная квартира. Вовсе не потому, что в ГРУ постоянно служат, а у «соседей» все время конспирируются. Просто так уж сложилось.

– Рад бы. – Я развел руками. – Да не могу, сам понимаешь.

За любым иностранцем, даже с самым настоящим аргентинским паспортом, как в моем случае, здесь приглядывают достаточно старательно. Те ребята, которым положено это делать, обязательно обратят внимание на то, что иноземец, прибывший в их страну, куда-то пропал из гостиницы на целых двое суток.

Они запросто могут разыскать меня и спросить с пристрастием. И что я им скажу? Дескать, дорвался до прекрасного и завис в портовом борделе? Это даже не смешно. Заведения подобного рода здесь просвечены насквозь.

Я достал телефон и по памяти набрал номер.

– Алло! – прозвучал в трубке сквозь шум и звуки музыки голос Юры.

Он явно дисциплинированно исполнял инструкции, полученные от меня, то есть зажигал.

– Как дела?

– Нормально. А у тебя?

– Просто прекрасно, – ответил я и отключился.

Вот, собственно, и все. Механизм запущен, задний ход не предусмотрен инструкцией.

Сейчас Юра с ребятами прервут веселье, вернутся в отель, забудут о «Владимирском централе» и залягут набираться сил перед работой. Завтра в шесть вечера мы встречаемся в пиццерии на Санта-Роза, откуда я отвезу ребят к вертолету.

Им предстоит полуторачасовой перелет, а потом короткая, часов на сорок восемь, пешая прогулка к схрону с оружием и оборудованием. Дальше сущие пустяки, какие-то двадцать пять километров до точки встречи со мной. Затем работа, простая и привычная: опередить конкурентов, спеленать нужного нам человечка и при всем этом постараться остаться в живых.

Есть у меня по данному поводу одна домашняя заготовка. Надеюсь, сработает.

Уходить, согласно плану, мы должны будем тем же путем, что мне здорово не нравится. Нет, я не скажу, что не доверяю Рамону с его командой, просто не люблю, когда выход и вход находятся в одном и том же месте.

Но это все потом. Сейчас надо пойти в свой номер, чуток подремать и стартовать в аэропорт.

В холле гостиницы было немноголюдно, как и всегда. Я получил на ресепшене ключи вместе с дежурной улыбкой симпатичной мулатки в форменном красном пиджачке и ответил ей тем же.

Потом я пристроился возле пожилой пары, по виду – немцев, дождался лифта, пропустил даму с кавалером вперед. Я шагнул следом за ними и ощутил несильный, как от комариного укуса, укол в шею. Двери захлопнулись, и тут меня повело. Чтобы не упасть, я схватился за поручень. Ноги мои подогнулись, я стал оседать на пол.

Меня подхватили чьи-то заботливые и крепкие руки.

– Что с вами? – прозвучал как через вату в ушах ласковый голос.

Я попытался сквозь пелену и муть в глазах разглядеть личико нежданного спасителя и с огорчением осознал, что у меня даже не хватит сил поднять руку и дать ему по морде. За все хорошее.

А потом звуки и изображение пропали. Все, тишина и темнота.

Часть вторая

Глава 10

Настоящий лох

«Мытищи, Мытищи,

Дешевое винище,

Банкет с бюджетом в тыщу…»

Опять!.. Как же меня достал этот имбицил и меломан в одном флаконе, живущий через стенку. Каждый вечер, сука такая, запускает на компьютере музон на полную катушку и до утра наслаждается прекрасными мелодиями.

Как-то раз я со всей возможной вежливостью попытался объяснить ему, что не совсем разделяю его страсть к искусству на ночь глядя. В ответ он послал меня очень далеко и добавил громкости.

Дело в том, что по легенде я человек глубоко интеллигентный, тонкий и деликатный, панически боящийся всех, кто выше и даже чуть ниже меня ростом. Не повезло.

Вот моему коллеге Благородному дону в этом плане живется куда легче. По официальной версии, он средней руки коммерсант из бывших братков. Так у него в подъезде после девяти вечера даже мухи не летают. Если и отваживаются, то при этом не жужжат.

«Мытищи, Мытищи,

Три дня меня все ищут…»

Все, черт подери! Любому и всякому терпению приходит конец. Сейчас встану, позвоню ему в дверь и устрою небольшую показательную порку. В конце-то концов, и заяц, загнанный в угол, порою становится опаснее своры волков. Вот и я сначала немного поною, нарвусь на очередную грубость, потом неловко размахнусь. После чего ударю как надо и попаду именно туда, куда следует.

Я протянул руку к прикроватной тумбочке, но ни выключателя, ни ее самой не нашел, с трудом встал на ноги, и меня тут же основательно болтануло. Я сделал несколько неуверенных шагов вперед, врезался в стену, пошарил по ней ладонью и зажег свет.

Тут я большим удивлением обнаружил, что нахожусь не у себя дома, а в смутно знакомом гостиничном номере. Чудная песня звучит не из-за стенки, а у меня в башке.

Перед тем как заползти в душ, я мельком глянул в зеркало. Ну и видок! Под стать самочувствию. Последний раз мне было так хреново после безалкогольной свадьбы, на которой я присутствовал в качестве тамады и свидетеля со стороны пострадавшего.

Минут пятнадцать я просто отмокал, а потом принялся издеваться над собственным обалдевшим организмом. Холодный душ, горячий, снова холодный.

Полегчало на удивление. Туман в башке рассеялся. Мелодия, набившая мозоли в мозгу. Зато появились вопросы: что, где, когда со мной произошло и кто я после всего этого?

Легче всего мне дался ответ на последний вопрос. Получается, что я самый настоящий лох, которого кто-то за нефиг делать подловил и вырубил.

Я взял со стола часы. Ого, половина одиннадцатого, только уже следующего дня. За окном темно. Получается, что я пробыл в отрубе чуть больше суток.

Мозги начали работать, понемногу включилась память. Значит, вчера вечером я вернулся в гостиницу, чтобы собрать вещи и укатить в аэропорт. Получил ключи, подошел к лифту, шагнул в кабину. Все, аут.

Получается, кто-то отоварил меня на входе в лифт, оттащил в номер, там добавил еще химии и оставил дрыхнуть. Этот добрый человек заботливо отключил оба телефона, чтобы мой сон никто не потревожил.

Не мной замечено, что посетителям забегаловок во всех аэропортах мира вместо кофе предлагается непонятно что. Зато этот самый напиток был горячим и крепким. Я залпом прикончил третью по счету чашку и тут же попросил официантку принести еще. Закурил, достал пару резервных телефонов – предыдущие отправились купаться в речушку, протекающую через город, – и принялся за дело.

Я битый час пытался дозвониться Рамону, потом ребятам. Наконец-то один из телефонов отозвался, но беседа не состоялась. Неизвестный тип разговаривал со мной на ломаном испанском и с ходу принялся задавать вопросы.

Я сменил сим-карту и продолжил звонить.

Рамон все-таки вышел на связь.

– Привет!

– Доброе раннее утро, – бодро проговорил он. – Ты где?

– Пока еще в Иберии, скоро вылетаю.

– Надеюсь, у тебя все в порядке?

– Сейчас уже более или менее, – по возможности спокойно ответил я, подчеркнув первое слово.

Да, более или менее. Потерял сознание в лифте. Ерунда, с кем не бывает. Очнулся на следующий вечер, у себя в гостиничном номере, на кроватке, кем-то раздетый и заботливо укрытый. Этот неизвестный доброжелатель, кстати, оплатил мое проживание еще на сутки. Он не оставил никаких иных следов вмешательства в мою жизнь.

Когда я пришел в себя, первым же делом сбегал в гостиничную камеру хранения за оборудованием. После чего я тщательно проверил номер, одежду, даже собственное тело и обнаружил одного-единственного клопа в рамке картины, висящей на стене. Правда, он заселился в номер еще до меня.

В общем, получается какая-то ерунда, вроде первоапрельского розыгрыша. Расскажи кому, не поверят.

– По-моему, ты собирался прилететь вчера утром.

– Самому неудобно. Да, собирался прогуляться за город в приятной компании, получается, что подвел людей.

– Ничего страшного, – успокоил меня Рамон. – Думаю, они не будут в обиде.

– Надеюсь.

– Сколько осталось до вылета?

– Часа полтора.

– Выпей кофе в баре.

– Уже.

– Посмотри новости в Интернете.

– Хорошая мысль, так и сделаю.

– Тогда не буду отвлекать. – Рамон отключился.

Я торопливо достал из сумки лэп-топ. Если Рамон посоветовал ознакомиться с новостями, значит, что-то случилось.

Так и есть:

«Бойня на Санта-Роза. Около шести часов вечера трое неизвестных открыли огонь из автоматического оружия по посетителям пиццерии. Восемь человек, из них пятеро туристов из России, убиты, более двенадцати получили ранения различной тяжести. Нападавшие скрылись, ведется расследование».

Дальше все понятно: оперативно-следственные мероприятия, опрос свидетелей, протоколы, отпечатки пальцев. Полиция, естественно, уже напала на след. Она всегда только это и делает.

Что дальше? Версии, предположения, гипотезы, сплетни. Ага, вот, как выяснилось, один из русских туристов выжил. Он доставлен в больницу, не указано, в какую именно, и прооперирован.

По утрам здесь довольно прохладно, но мне вдруг стало жарко. Беда, произошедшая вчера, попросту накрыла большим медным тазом нашу операцию и, что интересно, сразу же высветила человека, виновного во всем. Персонально меня.

Вчера ребята прибыли в оговоренное время в указанное мною место, где их и поубивали. Меня там не оказалось. В это самое время я будто бы валялся в гостиничном номере, якобы кем-то вырубленный.

Как говорится, суду все ясно. В сказку о грамотно организованном обмороке никто не поверит. Я и сам, признаться, вряд ли повелся бы на такую чушь.

Ничего не скажу, сработано остроумно, оперативно и достаточно подло. Основной вопрос философии: кто автор этого шедевра? Полагаю, китайцы. Спросите, почему я так думаю? Элементарно. Больше просто некому, если, конечно, в дело не вступили спецслужбы Эстонии и Туркмении. Даже если отбросить юмор висельника, прорезавшийся совершенно не к месту, и обратиться к элементарной логике, то все равно они.

Джекобс Т. Мур для организации поисков направил в Иберию брутального мексиканца с перуанским паспортом, а сам, по утверждению Рамона, до сих пор остается там, где и был. Живет себе в «Центро Лидо», никого не трогает.

Почему я считаю, что именно он руководит операцией со стороны заклятого стратегического партнера? Да потому, что связался с центром и поспрашивал об этом красавце. Никакой он, оказывается не дантист, а самый настоящий полевой агент ЦРУ, к слову сказать, достаточно успешный.

Что же касается наших азиатских стратегических друзей и партнеров, то они не стали мелочиться и направили в Иберию человека, по всей видимости, достаточно серьезного. Того самого, который слегка надо мной поиздевался, а потом брезгливо отпустил. Кстати, как сообщил час назад Макс, он до сих пор здесь, если, конечно, не махнулся с кем-нибудь портками из соображений конспирации.

Этот дедуля играючи меняет внешность и, что интересно, умудряется не выглядеть азиатом. Это не так просто, как кажется. Любой мало-мальски подготовленный опер за несколько минут без проблем и со спины определит,

кто это: африканец, азиат или европеец.

Ручонками он машет очень лихо. Теперь ясно, почему этот умелец надел рубашку с длинными рукавами: чтобы не бросались в глаза наработанные предплечья. У любого человека, много лет прозанимавшегося боевыми искусствами, они до неприличия сильно развиты.

Когда-то достаточно давно меня, тогда еще юного и зеленого, старшие товарищи обучали притворяться. Помнится, они не раз и не два рассказывали мне о наших китайских коллегах и очень советовали никогда не связываться с этими «хамелеонами».

Есть у Китая такая служба, только возраст ее исчисляется не десятками, а многими сотнями лет. Получается, что они уже существовали и черт знает что вытворяли, когда наши предки жили в лесах, щеголяли в натуральных мехах и поклонялись деревянным идолам. Старшие товарищи поговаривали, что японские ниндзя против них – просто малые дети.

Наш мир на удивление тесен. Он очень напоминает коммунальную кухню на сорок хозяек. До сих пор мне везло, и с этими самыми хамелеонами я не сталкивался. Теперь, видимо, придется. Никуда не денешься.

Я глянул на часы, заказал еще кофе и продолжил лазить по Сети. Очень правильно сделал, потому что вскоре вычитал такое, от чего у меня, как любит говорить один приятель из подмосковной Перловки, мигом вспотели зубы и ум стремительно забежал за разум.

Глава 11

Поздние визиты

– Говоришь, даже не допросили?

– Нет. – Я забросил в пасть пару таблеток, сморщился и запил их водой.

– Уверен? – спросил Рамон, с трудом сдержал зевок и глотнул кофе.

– Абсолютно.

– Объясни, – попросил он.

– Бога ради. – Я прикурил сигарету и с отвращением затянулся. – Чтобы допросить, меня надо было привести в сознание. Я бы это наверняка запомнил.

– Допустим, – сказал Рамон, хотя было видно, что я его не слишком убедил.

– Теперь самое главное. – Я загасил сигарету и отставил пепельницу подальше. – Я знаю, на что способен. Скажи, с тобой когда-нибудь работали с помощью химии?

– Только во время подготовки.

– А со мной не только. – Я очередной раз припал к стакану.

После всего случившегося меня мучил жуткий сушняк.

– Так вот, чтобы я начал болтать, они должны были ввести что-то достаточно сильное. Легкая химия меня не пробивает.

– Значит, ввели.

– Опять не сходится.

– Почему? – упрямо спросил Рамон.

– Да, потому, блин, что я сижу здесь перед тобой и даже пытаюсь что-то растолковать, а не валяюсь в психушке или в морге. Ты хоть представляешь себе, какое послевкусие у серьезных препаратов, даже современных?

– Особенно если ввести их поверх того, чем тебя вырубили.

– Совершенно верно. – Я достал платок и принялся вытирать лицо.

Последние пару часов я как раз и испытывал то самое послевкусие. Меня бросало то в жар, то в холод. Мне постоянно хотелось пить, голова шла кругом.

– Теперь все понятно?

– Все. – Рамон откинулся на стуле и потянулся. – Кроме одного.

– Слушаю.

– Почему в таком случае ты до сих пор жив?

– А что сам думаешь?

– По-моему, все это отдает какой-то опереттой.

– У меня сложилось такое же мнение. – Я не выдержал и зевнул во всю пасть. – Ладно, поговорили и будет. Операция продолжается.

– Вынужден запросить подтверждение из центра, – решительно заявил Рамон. – Извини, брат.

– Бога ради. – Я опять зевнул. – Пока пойду вздремну. Выяснили, в какой больнице находится парень из группы?

– В госпитале Святой Магдалены, – тут же прозвучало в ответ. – Его наверняка охраняют.

– Да что ты говоришь?

Латиносы неплохие бойцы, стойкие, упорные, отчаянные, порой даже слишком. А вот сторожа из них получаются никакие. Им не хватает элементарной дисциплины и бдительности.

Вот и сейчас здоровяк-полицейский не особо желал стойко переносить тяготы и лишения службы. Он должен был торчать у дверей палаты с единственным руссо туристо, уцелевшим во время пальбы в пиццерии. Вместо этого распустил хвост у стойки, за которой восседала грудастая медсестра. Та в ответ угощала его кофе, бойко стреляла глазками и потряхивала выпуклостями. Дело стремительно продвигалось к бурному консенсусу в стиле танго.

Я наклонил голову пониже и прокатил мимо них тележку со шваброй, тряпками и прочими полезными предметами. Парочка, занятая исключительно друг дружкой и зарождающимися чувствами, не обратила на меня ни малейшего внимания. Кто и когда вообще смотрит на простого уборщика? Обидно даже.

Чуть поскрипывая колесами, тележка бодро катилась по коридору. Я завернул за угол и осторожно оглянулся. Один, совсем один, как и должно быть. Все-таки уже полночь. Только эти двое воркуют у стойки да сопит как младенец у себя в подсобке худой небритый человек по имени Арсенио. Именно у него я одолжил светло-зеленую спецодежду с бейджем и тележку с ведрами да швабрами.

Отдохни, честный труженик. Пусть тебе приснится что-нибудь приятное: фигуристая дамочка в коротеньком белом халате, рассвет у моря или пять бумажек по сто американских долларов каждая. Кстати, они ни с того ни с сего обязательно обнаружатся потом в нагрудном кармане твоей рубашки.

Дверь в нужную мне палату, конечно же, была заперта, но настоящего уборщика ничто не остановит. Я покопался в кармане, достал оттуда две проволочки и поочередно вставил их в замок. Господи, чем я занимаюсь? Вроде бы взрослый человек, уже целый подполковник. Как хорошо, что меня сейчас не видят мама и та натуральная брюнетка, которой я накануне прошлой командировки много и интересно рассказывал о собственном богатом внутреннем мире.

За мной сейчас вообще никто не наблюдает. Видеоглазки отсутствуют, больные спят, медперсонал занят своими делами, а охранникам на первом этаже вообще на все глубоко плевать. Когда я аккуратно проходил мимо их поста двадцать минут назад, они смотрели по телевизору бокс и с большим знанием дела комментировали то, что происходило на ринге.

Замок еле слышно щелкнул. Я осторожно отворил дверь, вошел, замер, начал вслушиваться и уловил еле слышное сопение в правом углу возле окна. Тусклый

луч фонарика пробежал по палате и остановился на человеке, лежащем в койке: загипсованная правая рука, повязка на плече и груди, голова в бинтах.

Санек продолжал мирно дрыхнуть, вернее, старательно и довольно правдоподобно прикидывался, что это делает. Не сомневаюсь, он все прекрасно расслышал. В спецназе принято спать чутко.

– Ну, здравствуй. – Я подошел поближе, остановился в метре от него и подсветил собственную физиономию.

– Пришел добить? – хрипло спросил он и закашлялся.

Между прочим, Санек запросто мог бы попытаться заорать, но не стал, гордость не позволила. Хороший парень, смелый. Если проживет достаточно долго, чтобы набраться опыта, то цены ему не будет.

– Скажешь тоже, – пробормотал я.

Ни на грош он мне не верил и был по-своему прав.

– Тогда вали!.. – Санек довольно подробно объяснил мне, куда, как и зачем.

– Сначала ответь на пару вопросов.

– Подойди, – прошептал он, изобразив полный упадок сил. – Трудно говорить.

У подготовленного бойца, даже раненого, всегда есть шанс, но только один. Чтобы его использовать, надо подманить супостата на расстояние одного-единственного удара. Иногда, говорят, получается.

– А вот и нет, – заявил я. – Не так уж и трудно. У тебя две дырки: в руке и плече. Это все.

– Еще грудь задета, – добавил он. – По касательной.

– А что с головой?

– Ударился об угол стола, когда падал, – ответил Санек и продолжил язвительно: – Сразу вырубился, вот твои и решили, что готов.

– Как ты думаешь, зачем я сюда пришел?

– Откуда мне знать? Ты мужик мутный. Говорили же… – Он осекся и замолчал.

– Хорошо. – Я вздохнул. – Пусть мутный, потный, гнусный, какой угодно. Но постарайся меня понять. Включи, наконец, голову!

– Ну, включил, – снизошел раненый.

– Мне тоже ребят жаль. Уж поверь…

– Не надо о ребятах, – попросил Санек.

– Ладно, – согласился я. – Не буду. Вот только операцию никто не отменял. Так что придется мне самому…

Парень хихикнул, охнул от боли и заявил:

– Круто!

– Ответь на один-единственный вопрос, и я уйду.

– А если не захочу?

– Тебе решать.

– Ладно, говори.

– Командир выходил на связь с центром?

– А что?

– Да или нет? – свистящим шепотом выдал я. – Пойми, это важно!

– Допустим.

– Говорил же…

– Хочешь сказать, там сидит крот, а ты у нас пушистый и весь в белом?

– Уже ничего не хочу. Выздоравливай, Санек.

Как говорится, погостил, пора и честь знать.

– Не поверишь, как быстро это случится, – прозвучало мне вслед.

Почему же, поверил сразу. Раны заживают, а кости срастаются нереально быстро, когда у человека появляется цель. У парня теперь она есть – это я. Очень скоро он встанет на ноги и обязательно постарается меня достать.

Глава 12

Япона мать

Выпрыгнул из автобуса в центре города, и ноги сами понесли меня куда-то. Народу на улицах в это время если и меньше, чем днем, то не намного. На смену людям, ушедшим отсыпаться перед рабочим днем, под свет фонарей и неоновых вывесок повылезали любители ночной жизни.

Как ни странно это звучит, но в толпе я умею оставаться один. Конечно, и подобраться ко мне в случае чего легче, но это не так уж и важно. Если кто захочет, все равно подойдет. Как два дня назад в холле гостиницы.

Я шел по щедро освещенным улочкам старого центра, один из очень многих и в то же время сам по себе. Я в очередной раз проверился и с радостью убедился, что, судя по всему, никому на этом празднике жизни на фиг не нужен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/shuvalov_aleksandr/ahillesova-spina

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити